UNITED STATES HOLOCAUST MEMORIAL MUSEUM

ועידת התביעות
Claims Conference
Conference on Jewish Material Claims Against Germany

Claims Conference Holocaust Survivor Memoir Collection

Access to the print and/or digital copies of memoirs in this collection is made possible by USHMM on behalf of, and with the support of, the Conference on Jewish Material Claims Against Germany.

The United States Holocaust Memorial Museum respects the copyright and other intellectual property rights associated with the materials in its collection and makes good faith efforts to determine the copyright status of such materials. The Museum has a good faith belief that the materials in this collection may be made publicly available. The Museum welcomes additional information about copyright status. If you have additional information or concerns about the copyright ownership of materials in this collection, please contact the Museum's Library by phone at 202-479-9717 or by email at reference@ushmm.org.

ЛАЗАРЬ ТРОЙЧАНСКИЙ

ПО СТУПЕНЯМ ЖИЗНИ

США МИЛУОКИ 2001

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

21 января 1924 года, когда страна Советов была погружена в глубокий траур по поводу кончины вождя пролетарской революции Владимира Ильича Ленина, родился я. Мой отец Хаим и мать Хася, думается, оказались в сложнейшем положении, когда, с одной стороны, нужно было радоваться появлению их первенца, а с другой – скорбить вместе со всем народом страны по поводу утраты этой выдающейся личности. Я не знаю, как они сумели совместить эти два совершенно противоположных чувства, но зато точно знаю, что на протяжении всей моей жизни на родине, мой день рождения, во избежание неприятностей, отмечался очень скромно.

Появился я на свет в городе Слуцке Минской области. Это был небольшой городок с населением немногим более 15 тысяч человек, значительную часть которого составляли евреи. Он располагался в 40 километрах от границы с Польшей, въезд в город был закрытым и осуществлялся только по специальным пропускам.

Слуцк был городом ремесленников. Здесь жили и трудились сапожники, портные, плотники, столяры, стекольщики, лудильщики и многие другие мастера своего дела. Было здесь и несколько небольших предприятий, называемых артелями. Мой дед по матери был кузнецом, а дед по отцу – колесником. Отец же мой освоил обе эти специальности. Он выполнял всю работу колесника, изготавливая деревянную часть телег, колес, саней, бричек и др., и всю работу кузнеца, производя металлическую оковку этих изделий.

Ко времени моего рождения родители проживали в доме деда по матери, которого звали Шлейма Кецлих. Он был религиозным и удивительным человеком. Имея только один глаз, он с большим мастерством выполнял все операции по кузнечному производству и считался очень хорошим специалистом. В кузнице, находящейся во дворе дома, с раннего утра до позднего вечера светился горн, в котором раскаливался металл. И все это время слышался стук молотка моего деда, который на наковальне из этого дышащего огнем металла творил чудеса, изготавливая предметы различной конфигурации, необходимые в его ремесле. Его лицо и облик запомнились мне очень слабо, зато до сего времени не забыт вкус чудесного пасхального вина, приготовленного самим дедом специально к празднику, и которым он угощал меня.

Дедушка Шлейма умер относительно нестарым человеком где-то в начале тридцатых годов. А вот бабушку по матери я никогда не видел и ничего о ней не знаю. Мне известно только, что у них было восемь детей, из которых только четверо (Неях, Хася, Велвул и Рива) жили в Слуцке, а остальные – за его пределами.
Когда мне было не более шести лет, мои родители переехали в новый дом, построенный ими на Ленинской улице (№8). К тому времени семья наша уже увеличилась на два человека в связи с рождением братика Бориса (Берелэ) и сестрички Хавы (Хавелэ). К 11-ти годам у меня появился еще один братишка, которого назвали Мотик (Мотелэ), и вся наша дружная семья продолжала проживать в этом красивом и уютном доме.

Деда по отцу звали Мойше, а бабу – Поля. Это была удивительная пара.
Он - высокий, коренастый, бородатый и очень красивый мужчина, а она – маленькая, полненькая, приятная и тоже по-своему очень красивая женщина. Жили они очень миролюбиво, и эта прекрасная пара Тройчанских имела 16 детей, которых родила бабушка Поля. Десять из них не жили в родном городе, а разъехались по стране, поэтому я знал только шестерых (Геню, Шмоля, Хаима, Исроэла, Цилю и Мусю).

Дед Мойше был классным специалистом. О нем знала вся сельская округа, и крестьяне регулярно обеспечивали его заказами. Благодаря этому он один, работая очень много, очень качественно и без устали, обеспечивал содержание столь большой семьи.Я очень хорошо помню дедушку Мойше и бабушку Полю. Оба они умерли в возрасте 70 лет, причем первым умер дедушка. После тяжелого рабочего дня он лег спать и не проснулся. Вскоре от нелепой болезни (дизентерии) умерла и бабушка Поля.

Пожалуй, это и все, что я знал о своих дедушках и бабушках. Ведь они умерли, когда мне было 10 – 11 лет, а жили мы врозь и встречались довольно редко.

В таких вот дружных и порядочных рабочих семьях родились и воспитывались мои родители. И не удивительно, что отец и мать были очень трудолюбивыми людьми и все делали, чтобы наша семья была благополучной и жила в достатке. Отец и мать очень любили свой домашний очаг. Дом и значительный приусадебный участок требовали постоянного внимания и ухода. Ухода требовали также корова, куры, утки, гуси и поросята, являвшиеся по существу нашей семейной продовольственной кладовой. Постоянной заботы требовали четверо детей дошкольного и школьного возраста, а также тяжело работающий отец. И со всем этим справлялась моя мать Хася, очень красивая с седеющими волосами женщина, которую соседи называли «берье» (всемогущая и успевающая). Она, наша мудрая мама, сумела каждому ребенку вменить в обязанность определенный круг работ и требовала точного их выполнения.

Весной и летом все мы, дети, занимались посевной и прополкой огорода, а осенью – уборкой урожая, с доставкой и размещением его в погребе. Какой это был прекрасный погреб, вход в который был через сарай! Каждому овощу здесь было отведено свое место, причем наибольший отсек был отведен для картофеля – нашего основного продукта питания. В погребе хранились также сахар, масло, жир, окорока, масло сливочное, яйца, колбаса и многое другое, получаемое от нашей домашней живности, а также фрукты и другие продукты питания. Доставка по мере надобности необходимых продуктов из погреба в дом, а также ежегодная заготовка не менее 25 кубических метров дров, необходимых для приготовления пищи и отопления нашего дома, все это также входило в наши обязанности.

По распоряжению матери мы занимались распиловкой, колкой этих дров с укладкой их в штабеля с последующей доставкой готовых дров к месту сжигания. Наличие хорошей ножной швейной машины марки «Зингер» и прекрасное умение пользоваться ею давали возможность матери одевать детей в одежду, почти полностью изготовленную ее руками. Она умело систематически перешивала сошедшую с мерки одежду одного ребенка для другого, младшего, значительно экономя при этом. Мы с удовольствием носили эту одежду, изготовленную ею со вкусом и в стиле действующей моды.

Мать знала желания каждого ребенка и, по возможности, старалась их удовлетворить. В этой связи хочу рассказать один характерный эпизод. Родители знали, что мне очень нравится военная форма, и что я был настроен посвятить свою жизнь службе в Красной Армии. И вот, когда я учился в 9-м классе, мать сшила мне шинель офицерского образца, заменившую мое изношенное пальто. Знакомые были шокированы ее мастерством в исполнении этой крайне сложной работы.

А как гордо чувствовал я себя в этой шинели! Ведь многие красноармейцы, особенно в вечернее время, принимая меня за офицера, отдавали мне честь.

Родители очень любили нас и, по мере возможности, создавали нам нормальные условия для учебы. Мать уже с лета занималась поисками учебников,а также заготовкой тетрадей и других школьных принадлежностей. К началу учебного года каждый из нас, школьников, был полностью «экипирован». В школьном буфете во время большой перемены нам, Тройчанским, отпускали все то, что нам хотелось, и это нас очень радовало. Но мы не знали, что школьная буфетчица, по договоренности с матерью, вела учет отпущенного, а мать затем погашала стоимость съеденных нами продуктов.

Мать очень хорошо готовила, знала наши вкусы и старалась всем угодить. Даже сейчас, по прошествии стольких лет, только при одном воспоминании ,о приготовленных ею блюдах, таких как фаршированая рыба, картофельные оладьи с гусиным жиром, начиненная шейка курицы, галки из мацемела и другие, сразу начинает течь слюнка. На пасху откуда-то в доме появлялась маца, несмотря на то, что изготовление ее

производилось тайно из-за запрета религии на нашей родине. Мы все любили ее, а особенно, намазанную куриным жиром или сливочным маслом.

Ко всему сказанному следует добавить, что мама была очень активной общественницей. Она неоднократно избиралась депутатом районного и городского советов и, насколько мне помнится, всегда была членом родительского комитета школы. Мама Хася была чудесным человеком. Не многим детям так повезло с матерью, как нам. Ей бы при жизни золотой памятник поставить, а у меня даже нет ни одной ее фотографии. Прожила мать всего 42 года. Ее жизнь трагически оборвалась 8 февраля 1943 года. В этот день фашистские изверги завершили ликвидацию Слуцкого гетто и расстреляли мою дорогую мамочку, братика Мотелэ и красавицу-сестричку Хавелэ. Проклятые фашисты! Это они разрушили жизнь нашей семьи и отняли у меня самое дорогое, что у меня было. Это никогда не забудется!

Более подробно о последних двух годах жизни нашей семьи под фашистским сапогом расскажу несколько позже. А сейчас, чтобы не нарушать последовательность повествования, расскажу о моем отце Хаиме Тройчанском.

Мой папа был вундерпапой, выросшим из вундеркинда. Это не шутка. Это на полном серьезе. Ведь, будучи еще мальчиком, он начал учиться у своего отца Мойше (моего деда) и уже в зрелом возрасте полностью овладел профессией колесника. За это же время, часто заглядывая в кузницу своего соседа Шлейме и помогая ему, он перенял опыт этой сложной работы и стал не только кузнецом по профессии. Женившись на дочери кузнеца (на моей маме), он стал также кузнецом своего счастья, ибо о такой жене, как Хася, можно было только мечтать. Они прожили совместно короткую, но по тем временам красивую жизнь.

Отец любил обе свои профессии, причем владел он ими виртуозно. Но мне почему-то казалось, что больше он все же любил кузнечное дело. Работу он выполнял быстро, качественно и в установленные сроки. Все балаголы (возчики) города и крестьяне окрестных сел знали Хаима Тройчанского как прекрасного работника и постоянно пользовались его услугами. Помнится, как красиво он производил подковку лошадей. Этот тяжелый труд он выполнял просто играючи. А с какой легкостью он производил оковку колес в то время, когда многие кузнецы эту работу вовсе не умели делать. Словом, он был специалистом высшей квалификации. И не случайно на вопрос, кем он работает, следовал его неизменный ответ: «Я профессор». А на недоуменный взгляд спрашивающего он спокойно уточнял: «Да, я профессор своего дела». Позже, работая в артели, он охотно передавал свой опыт коллегам по профессии. Здесь вскоре были замечены его организаторские способности, и он был утвержден в должности заведующего производством артели «Красный металлист», что соответствовало должности главного инженера государственного предприятия. В этой высокой должности отец, не имевший даже среднего образования, проработал вплоть до фашистского нашествия.

Отца обожали все, с кем бы он ни встречался. И это обожание помогло нашей семье выжить в тяжелые тридцатые голодные годы, когда крестьяне подбрасывали отцу необходимые для поддержания его физической силы высококалорийные продукты. В ужасные годы оккупации те же крестьяне и многие русские балаголы города, зная о полуголодном существовании евреев, различными, а порой даже опасными для их жизни путями, оказывали отцу помощь продуктами и деньгами.

Нас, детей, отец просто обожал. Вместе с тем он очень болезненно переживал, а порой негодовал, когда мы получали в школе низкие оценки. Он требовал от нас прилежной учебы и мечтал видеть каждого своего ребенка, по его выражению, «ученым», а не рабочим. «Я, мои братья и сестры не имели возможности учиться, а у вас такая возможность есть», - часто говорил он нам.

И все мы, следуя заветам отца, прилежно учились. Он также считал, что мы должны быть физически крепкими, и поэтому требовал от нас, чтобы мы занимались спортом. И каждый из нас с удовольствием занимался этим.

Отец очень много работал и для восполнения затрачиваемой энергии хорошо питался. Аппетит у него был отменный, но вместе с тем он любил перед едой выпить рюмочку водки. Мать его за это поругивала. Чтобы мать его не бранила, он, направляясь с работы домой, зачастую попутно навещал киоск, где выпивал чарочку (а может и больше) спиртного и уходил домой обедать или ужинать. Он очень любил сало, которое восстанавливало его силы. Сало он мог есть три раза в день, причем в различных видах: сырым, просоленным, поджаренным, поджаренным с луком или с яйцами. Обожал он отварной картофель, мучные или картофельные оладьи, которые он макал во время еды в сковороде с поджаренным салом. Все мы тоже очень любили эти блюда и часто просили мать, чтобы она готовила отцу обожаемую им еду. При наличии свободного времени отец готовил «свое» кушанье сам и, надо сказать, делал он это не хуже матери.

Отец курил, причем очень много. Его любимыми папиросами были «Беломорканал» фабрики имени Урицкого, которые он закупал в больших количествах. Зная о том, что мальчики тянутся к куреву, от чего часто бывают различного рода неприятности, он принял гениальное решение. Он предоставил детям свободный доступ к папиросам, зная о том, что запретный плод всегда сладок. Отец, каждый раз, закуривая, брал одну папиросу из множества открытых им до этого пачек, давая нам, детям, возможность брать папиросы из любой пачки, зная, что об этом никто не узнает. Именно поэтому и помня о вреде курения мы абсолютно не интересовались папиросами. Курить мы (я и Борис) начали только во время войны.

Многим людям, знакомым и незнакомым, отец мой, Хаим, оказывал материальную и другую помощь, помогал добрым словом и советом. И люди отвечали ему тем же. Он был добрейшей души человек.

В КРУГУ СЕМЬИ (ДО СЕРЕДИНЫ 1941 ГОДА)

Об отце я еще много расскажу в ходе дальнейшего повествования. Сейчас я хочу рассказать о детях мамы Хаси и папы Хаима, самых лучших родителей в мире. Нас было четверо: три мальчика и одна девочка. И у каждого судьба сложилась по-своему.

Самым маленьким и, естественно, самым любимым в нашей семье был мой братик Мотелэ. Он был спокойным, умным и подвижным мальчиком, который всем интересовался. К пяти годам он свободно читал и знал азы арифметики. Он знал названия всего рабочего инструмента отца и охотно помогал матери в домашних делах. В детский садик он не ходил, а его воспитанием полностью занималась мама. Отец зачастую брал его на работу, и Мотик успевал за день побывать во всех цехах. Особенно ему нравился колесный цех, так как здесь все было знакомо. Его очень любили и разрешали подержать инструмент в руках, показывая при этом, как им пользоваться. Здесь же, по прошествии некоторого времени, он научился работать с инструментом. Отец в нужный момент был рядом с Мотиком и всячески оказывал ему в этом необходимую помощь.

К шести годам он построил свои «драбинки». Это была маленькая тележка на четырех колесах с боковыми ограждениями и управляемым передком. По существу это была телега в миниатюре. В основном вся деревянная ее часть была сделана маленькими ручками братика, и лишь оковку ее металлом произвел папа не без «помощи» Мотика. Это была тележка, удивившая соседей и знакомых своей конструкцией и мастерством исполнения. Тележка эта была семейной гордостью. На ней можно было легко разместить и перевозить груз весом 150 – 200 килограммов. Когда мать ходила на рынок за

покупками, Мотик всегда был рядом со своей тележкой. Встречные прохожие очень часто останавливались и с восхищением рассматривали это удивительное творение.

Вместе с тем мой братик, будучи ребенком, с удовольствием играл со своими сверстниками, очень любил все, что любят другие маленькие дети. Он рано научился плавать и очень любил водоемы, где с удовольствием купался.

Мог ли кто-нибудь или когда-нибудь представить или подумать о том, что жизнь этого удивительного мальчика, нашего любимца Мотелэ, оборвется в восьмилетнем возрасте, когда фашистские гады убили его? Проклятие!

Такая же участь постигла и мою единственную сестричку Хавелэ, которой было всего13 лет. Хавелэ родилась третьей в нашей семье. Уже с рождения, по словам родителей, это было удивительное пухленькое существо с черными волосиками и карими глазками. В ясли или садик сестричка не ходила, ею полностью занималась мама. Это была неразлучная пара. На чей-нибудь окрик: «Хавелэ!» всегда следовал ответ мамы: «Она здесь». В школу она пошла хорошо подготовленной. Она знала алфавит, умела складывать слоги, немножко считать и рисовать. Хавелэ была чистюлей и очень следила за своими нарядами и внешним видом. Мать в этом ей всячески потакала и удовлетворяла все ее капризы. Она любила музыку и очень хорошо пела свои любимые песни. Хавелэ очень интересовалась живописью и знала многие картины известных художников.

Училась моя сестричка хорошо, приносила домой только отличные и хорошие отметки. Родители, и особенно папа, ее за это часто похваливали. Она очень любила, когда ее хвалили! У нее было много друзей и, в основном, мальчики. Хавелэ очень любила книги и была активным читателем в школьной библиотеке. Она была очень красивой девочкой с прекрасной фигурой и она гордилась этим. Порой она рассуждала, как взрослая, хотя к началу войны она закончила только пятый класс. Словом, она жила нормальной жизнью молодой девушки и очень много мечтала о будущем. Порой ей хотелось стать портнихой, а порой – доктором. И все мечты рухнули, как карточный домик, когда Слуцк захватили немцы. Но об этом чуть позже.

Сейчас я хочу рассказать о моем брате Берелэ (Борисе), который родился лишь на полтора года позже меня. Это незначительная разница в возрасте, и поэтому родители, считая нас мальчиками-сверстниками, применяли к нам одинаковый метод воспитания. Мы вместе играли в различные детские игры; вместе какое-то время ходили в один детский садик; вместе, как говорится, питались из одного котла и так далее и тому подобное. Мы друг друга очень любили и защищали. Единственным моим преимуществом было то, что вся новая одежда и обувь доставались мне, а поношенное или переделанное – брату. Роста мы были одинакового, но я был намного плотнее его. У меня были черные курчавые волосы, а у Бориса - светлые, прямые. Я был похож на типичного еврейского мальчика, а он – нет. Это различие сохранилось и в зрелом возрасте. Каждый из нас с малых лет выполнял определенные домашние работы, многие из которых были постоянными и требовали нашего совместного труда. По мере взросления у каждого из нас появились свои друзья и свои интересы. И это зачастую приводило к конфликтным ситуациям, которые после словесных перепалок иногда перерастали в кулачные разборки, требовавшие вмешательства родителей.

К семи годам Борис был определен на учебу в русскую школу. Я же к тому времени учился во втором классе еврейской школы. Не знаю, чем руководствовались родители, отправляя своих детей на учебу в разные школы. Не исключено, что это явилось следствием ухудшения взаимоотношений и взаимопонимания между нами. Возможно также, что родители осознали бесперспективность окончания еврейской средней школы при отсутствии в стране высших учебных заведений с преподаванием на еврейском языке «идиш».

Учился Борис очень хорошо. Его очень интересовала техника и различного рода машины. Когда к нему попадало что-либо из этого он досконально изучал каждую деталь и

успокаивался лишь тогда, когда узнавал, почему и каким образом она работает. И это предопределило его дальнейшую судьбу.

По окончании им седьмого класса семейным советом было решено, что Борису целесообразнее продолжить учебу не в средней общеобразовательной школе, а в техникуме. Для этого Борисом был выбран Электротехнический техникум, расположенный в городе Минске. Он считал, что именно здесь он сумеет получить интересующую его специальность. Позже, успешно сдав вступительные экзамены, Борис стал его студентом, чему вся наша семья была очень рада. Вместе с тем родители были огорчены тем, что дальнейшая учеба сына будет проходить вдали от дома и без их присмотра. К началу занятий Бориса родители поработали на славу. Было закуплено все необходимое для учебы, начиная от карандашей и кончая портфелем. Закуплено было нижнее и верхнее белье, а также ботинки и тапочки. Мать сшила ему прекрасный костюм, что явилось сенсацией, так как нас, старших детей, до этого в костюмы не одевали. В новом костюме и в новых ботинках рослый Борис смотрелся малолетним франтом.

До железнодорожного вокзала брата провожала вся семья, а в Минск вместе с ним поехала наша мама. Ее очень волновал этот отъезд сына, так как впервые ее ребенку предстояло длительное время жить и учиться в незнакомом городе. Им надо было определиться, где будет жить Борис, где и как он будет питаться, каким путем он будет обеспечен учебниками, постельным бельем, кто будет за ним присматривать и многое, многое другое. После нескольких дней совместного проживания матери и сына в Минске большинство возникших проблем было решено. Здесь, в Минске, наглядно проявилось упрямство моего брата. Имея возможность поселиться на время учебы в квартире своего дяди Юдула (родного брата матери), он этого не сделал. Причем все доводы матери и дяди в пользу такого решения никакого воздействия на него не оказали. Он, которому было всего-то 13 лет, настоял на своем и поселился в общежитии техникума.

Определив сына в общежитие и разобравшись с другими, связанными с учебой вопросами, мама вскоре вернулась домой. Ее брат Юдул обещал присматривать за племянником и, надо сказать, делал это очень добросовестно. Он не только присматривал, но и помогал своему племяннику, когда в этом возникала необходимость. Так, например, в суровую и тяжелую зиму 1939-1940 годов он подарил Борису дорогой импортный полушубок, который оказался очень кстати, и которым мой брат очень гордился.

Отъезд брата мы все очень болезненно перенесли. Но человек ко всему привыкает, и мы не были исключением. Тем более, что периодически Борис нас навещал. Это обычно бывало один раз в две недели – на один день (воскресенье), когда в техникуме не было занятий. Вся наша семья ожидала эти дни с нетерпением. Но настоящим праздником для всех нас были перерывы между семестрами и каникулы между курсами, когда Борис приезжал домой и длительное время мы бывали вместе.

Мать также практиковала «инспекционные» поездки в Минск, одновременно подвозя сыну любимые им домашние продукты. Иногда мать брала кого-нибудь из нас, детей. Это были радостные события. Ведь поездка в Минск давала возможность не только лишний раз повидаться с братом, но и познакомиться с достопримечательностями этого красивого большого города, столицы Белоруссии.

Борис очень любил техникум и занимался с большим желанием. По мере накопления знаний увеличивалась его тяга к технике, и мать по его просьбе постоянно занималась поисками какой-то книги, которую он хотел бы иметь. Очень быстро взрослел мой братик.

Здоровье у Бориса было отменное и в свободное от занятий время он усиленно занимался спортом, причем страстно любил футбол. Ведь закаляться он начал еще с дошкольного возраста, когда старался доказать свое превосходство над старшим братом. Он очень любил посоревноваться со мной, например, в том, кто из нас сможет дольше походить босиком по снегу в зимнее время или кто больше времени сможет прокатиться на

нашем «чертовом» велосипеде, в котором седло размещалось чрезмерно высоко для детей, а рама не давала возможности даже попытаться сесть на него. Ведь это был велосипед марки «Харьков» для взрослых, который отец выиграл в лотерее. После каждой такой победы Борис был в восторге.

Все складывалось благополучно, как у брата, так и в нашей семье. К лету 1941 года брат Борис заканчивал второй курс техникума, братика Мотелэ готовили к школе, сестричка Хавелэ заканчивала пятый класс, а я готовился к сдаче экзаменов за десятый класс и получению аттестата зрелости. Отец работал зав.производством артели, а мать занималась домашним хозяйством, детьми и общественной работой. И кто бы мог подумать, что все это неожиданно оборвется и наступит ужасное время для всей нашей семьи и для каждого ее члена в отдельности?

Перед началом дальнейшего повествования считаю необходимым сделать небольшое, но крайне необходимое отступление. Все, о чем я рассказал выше, является абсолютной правдой. Правдой, восстановленной моей памятью, памятью члена нашей большой и дружной семьи. Я был очевидцем и жертвой этой страшной трагедии, происшедшей с нашей семьей в результате оккупации нашего родного города Слуцка немецко-фашистскими палачами. К сожалению, никакой другой информации у меня нет. У меня даже нет ни одной фотокарточки нашей семьи и отдельных ее членов. Все, что было, сгорело или уничтожено во время этой страшной войны 1941-1945 годов, названной Великой Отечественной. Возможно, что наличие таковых смогло бы восстановить какие-то забытые события тех лет. Но их нет.Поэтому вся надежда на мою память и на объективность изложения случившегося.

В процессе повествования о жизни нашей семьи в довоенное время я попутно рассказал лишь кое-что о себе. Однако до начала последующего повествования об ужасной судьбе нашей семьи я должен более полно рассказать о себе. Мальчишечья жизнь у меня была такая же, как у многих других детей. В семилетнем возрасте родители привели меня в первый класс еврейской школы. Почему именно в еврейскую – до сего времени не понимаю. Школа, в которой я учился, мне очень нравилась. В ней работали отличные учителя, глубоко и досконально знающие свое дело. Почему-то учеба давалась мне очень легко и почти по всем предметам у меня были отличные отметки. Знания, полученные именно здесь, очень помогли мне в последующей моей жизни.

По окончании шестого класса мне за отличную учебу и примерное поведение была вручена бесплатная туристическая путевка по реке Днепр с посещением городов Киев, Днепропетровск, Днепродзержинск и Днепрогесс. Это была моя первая в жизни самостоятельная поездка (правда, в составе группы) далеко за пределы своего родного города. Мне было что рассказать об увиденном, услышанном и познанном. Ведь мы проплыли по реке не одну сотню километров, причем на комфортабельном пароходе, специально предназначенном для туризма. Мы посетили гиганты промышленных предприятий, и я был очень горд этим. Побывав на самой мощной в нашей стране гидроэлектростанции, мы восхищались этим гениальным творением человеческой мысли и человеческих рук.

Нас поразил своей красотой и величием город Киев – столица Украины. Его улицы и скверы, парки и цветочные оранжереи, исторические памятники и музеи и многое другое буквально поразили и покорили нас. А Печерская лавра с мощами и подземными ходами, где мне посчастливилось побывать, запомнилась на всю жизнь.

В этом городе произошел довольно грустный для меня эпизод. При поездке на трамвае, когда я высунул голову в окошко, ветер подхватил и унес с моей головы новенькую тюбетейку. Эту потерю я очень переживал, так как тюбетейка была подарена мне родителями за успешное окончание учебного года. Когда я по возвращении домой рассказал о случившемся моим родителям, они меня только ласково пожурили: «Не будь раззявой».

К началу учебного года стало известно, что еврейские школы в ближайшие два года будут закрыты и что детям разрешен переход в любую русскую или белорусскую школу с сохранением уровня полученного образования. Мои родители, узнав об этом, очень заволновались. Заволновался и я, так как заканчивал седьмой класс и необходимо было определиться, в какую из школ, с учетом лучшего владения языком, перевестись. При всех вариантах меня ожидали тяжелые испытания: новые товарищи, новые учителя, новые предметы и изучение их не на еврейском, а на одном из двух возможных языков. Выслушав множество советов и взвесив свои возможности и знания, я, окончив седьмой класс еврейской школы, перевелся в восьмой класс 5-й средней русской школы г. Слуцка.

Для меня настало довольно трудное время. Если раньше мне учеба давалась легко, то в новой школе на подготовку по каждому предмету мне приходилось затрачивать в два (а порой и в три) раза больше времени. Практически я был лишен свободного времени. Родители, видя все это, освободили меня от домашних обязанностей, которые я до этого выполнял. «Терпение и труд все перетрут», - говорится в одной из русских пословиц. Что-то подобное произошло и со мной. Уже восьмой класс я закончил без единой тройки и вошел в число лучших учеников школы.

Сменив одну школу на другую и встретившись с трудностями, я неожиданно для себя как-то сразу повзрослел. Именно в это время меня начал волновать вопрос о моем будущем. Мысли о том, кем я хочу стать после окончания средней школы и получения аттестата зрелости, не покидали меня ни на минуту. Порой мне казалось, что я хочу быть инженером, для чего мне необходимо будет продолжить учебу в институте, а порой мне думалось, что я должен стать профессиональным военным, поступив для этого в военное училище. Иногда появлялось желание освоить хотя бы одну специальность моих дедов и отца, для чего не понадобится покидать родной дом. Но здесь я был уверен, что ни мать, ни отец с таким моим решением не согласятся. Были и другие задумки, так что в моей голове был явный ералаш. Успокаивало меня лишь то, что до окончания школы оставалось еще много времени и что к тому времени я сумею принять решение, кем стать и где учиться. К моему великому удивлению этот сложный вопрос разрешился неожиданно для меня очень просто и относительно очень быстро. Но об этом все по порядку.

Международное положение в мире к тому времени было значительно осложнено агрессивной политикой гитлеровской Германии. Она захватывала одну страну за другой, не встречая серьезного сопротивления. В войну были втянуты Англия и Франция, причем Франция была легко проглочена немецким фашистским государством. Это заставило нашу страну принимать титанические усилия по улучшению ее обороноспособности. Не перечисляя всех проводимых в связи с этим мероприятий, назову лишь некоторые из них. Так, в старших классах средних учебных заведений был введен новый предмет, который мы называли «военкой», где мальчиков обучали военному делу. При высших учебных заведениях были открыты военные кафедры, на которых студенты проходили курс специальной военной подготовки. А в военных училищах, в связи с дополнительной потребностью в офицерских кадрах, был значительно увеличен прием курсантов. .Ответственность за обеспечение этого дополнительного набора курсантов возлагалась на районные и городские военные комиссариаты. Вот эти три проводимых в стране мероприятия совершенно неожиданно и четко определили мое будущее.

Началось все это с девятого класса, когда в расписании занятий появился новый предмет, которого раньше не было. Преподавал его кадровый офицер, майор Шнэк (запомните эту фамилию), который ввел строжайшую дисциплину и требовал четкого выполнения отдаваемых приказов. Периодически он, Шнэк, представлял в военкомат поименные данные о потенциально возможных кандидатах в курсанты военных училищ.

В начале занятий в десятом классе я был приглашен в горвоенкомат, где меня, как перспективного военнообязанного, поставили на учет. В процессе беседы мне было предложено поступить в военное училище. Причем, ссылаясь на советский патриотизм и

обязанности комсомольцев по защите родины, данное предложение прозвучало как приказ. Поскольку призывным возрастом считалось 18 лет, а мне было к тому времени немногим более 16-ти, я обещал подумать и о принятом мною решении сообщить.

Я бы покривил совестью, если бы сказал, что это предложение пришлось мне не по душе. С малых лет я любил военные парады, военную форму, военную технику, военные приветствия и многое другое, что было связано с армией. Поэтому стать кадровым военным было одним из многих других желаний при выборе будущей профессии.

И вдруг, в канун экзаменов на аттестат зрелости, где-то в конце мая 1941 года (точной даты не помню), я срочно был вызван в военкомат, где мне были вручены проездные документы в Ленинград для сдачи вступительных экзаменов в Ленинградское училище инструментальной разведки зенитной артиллерии (ЛУИРЗА). А на вырвавшийся из моих уст недоуменный вопрос: «А что же будет с моим аттестатом зрелости, и как без него я смогу поступить в училище?», - последовал невозмутимый ответ: «Все предусмотрено». Так оно и было в действительности. Для сдачи экзаменов мне вручили справку об окончании средней школы, а в отношении аттестата зрелости было заявлено, что, по договоренности со школой, он будет вручен мне без экзаменов по возвращении, после поступления в военное училище.

Реакция родителей на случившееся была неоднозначной. Ведь стать в перспективе кадровым военным не противоречило желанию их сына, а учеба в военном училище снимет множество родительских забот. Успокаивало и то, что быть офицером Красной Арми - это почетная и материально обеспечивающая работа. Вместе с тем, тревогу за сына вызывала неспокойная обстановка в мире .Для меня же стало ясно, что мое будущее предопределено и что поступление в училище ставило все точки над i.

Через несколько дней я уезжал в Ленинград. Меня провожала вся наша семья, несколько преподавателей, сверстники и друзья. Здесь, на вокзале выяснилось, что в этот славный город для сдачи экзаменов в различные военные училища едут еще более десятка выпускников средних школ нашего города. Во избежание возможных недоразумений, провожать нас прибыл и работник военкомата.

В Ленинград поезд прибыл точно по расписанию. Один из прохожих подробно рассказал мне, как добраться до училища. Благополучно прибыв к месту предполагаемой учебы, я доложил дежурному офицеру о своем прибытии, и колесо завертелось.

Не останавливаясь на подробностях, скажу лишь, что условия для прибывших были созданы отличные. Это касалось и режимов питания, отдыха, подготовительных занятий, экзаменов и свободного времени. Чувствовался порядок во всем. Здоровье у меня было хорошее, и медицинскую комиссию я прошел очень легко, как говорится, без сучка и задоринки. Мне предстояло сдать четыре экзамена, на подготовку каждого из них предусматривалось не менее трех дней. Воспользовавшись этим, я все вступительные экзамены сдал на «отлично».

Перед изданием приказа о зачислении в курсанты каждому абитуриенту предстояло собеседование с начальником училища. Это предстояло и мне. На собеседование я шел, будучи абсолютно уверенным, что все будет прекрасно. В начале нашего диалога начальник училища обратил внимание, что с произношением буквы «р» у меня не все в порядке. И это прозвучало для меня, как гром среди ясного неба. Ведь ни один человек мне об этом никогда не говорил, и я, честно говоря, очень испугался, подумав, что злосчастная буква «р», так часто произносимая в армейских условиях, может стать препятствием моему поступлению в училище. Но, слава Б-гу, я ошибся. Между нами состоялась очень приятная беседа, по окончании которой начальник поздравил меня с поступлением в училище и выразил надежду, что я буду хорошим курсантом и хорошим офицером. Поблагодарив начальника училища за добрые слова напутствия, я заверил его, что все сделаю для оправдания его надежд. После этого я сразу позвонил родителям в Слуцк и сообщил, что их сын стал курсантом Ленинградского военного училища, чем они могут гордиться.

Выслушав в ответ поздравления и добрые пожелания, я попросил узнать дату выпускного школьного вечера и тут же узнал, что он состоится 19 июня. С этого времени все мои мысли и действия были направлены на то, чтобы успеть к этому праздничному балу. Срочно, насколько это было возможно, получил проездные документы в два конца (в Слуцк и обратно) и предписание о моем обязательном прибытии в училище в качестве курсанта к 1сентября. Предъявив в воинской кассе свои проездные документы, я, минуя колоссальные очереди в других кассах, получил билет и к утру следующего дня прибыл в родной город Слуцк. Это было 18 июня 1941 года.

О времени моего приезда родители мною предупреждены не были, и поэтому с вокзала домой мне пришлось добираться более часа пешком и под проливным дождем. Зато моему неожиданному появлению была оказана достойная встреча. Ведь более двух недель меня не было дома, и все это время родители волновались за меня. Все это время я тоже изрядно волновался. И в награду за это я сумел вернуться домой в новом качестве – курсанта военного училища. Моим же однокашникам еще предстояло найти себе место в будущей жизни.

По просьбе родителей пришлось отчитаться за каждый день, прожитый вдали от них, причем со всеми подробностями. В течение всего дня наш дом навещали близкие люди, родственники и знакомые. Все они поздравляли меня с поступлением в училище и задавали множество вопросов. Поздравила меня и группа сверстников, которая в буквальном смысле слова вытащила меня из дома. От них я узнал о подробностях завтрашнего дня, о том, что аттестат зрелости для меня уже выписан, о том, кто будет на вечере, и многое другое. А вот о том, хорошо или плохо я сделал, связав себя с армейской жизнью, пришлось выслушать различные точки зрения, но в основном все одобрили мою решимость в выборе профессии.

Вернулся я домой поздно вечером и, впервые за много дней оказавшись на своей кровати, заснул богатырским сном. Проснулся я очень поздно, и после сытного завтрака из любимых блюд вся семья помогала мне подготовиться к предстоящему торжеству. Выяснилось, что, пока я находился в Ленинграде, родители по случаю окончания средней школы, впервые в моей жизни, купили мне костюм. В черном костюме, белой сорочке с галстуком и в добротной обуви я смотрелся вполне прилично.

Мать еще ранним утром успела испечь большой торт, а Мотелэ и Хавелэ из выращенных ими цветов приготовили большущий букет. Отец по случаю предстоящего вечера явился домой чуть раньше обычного и стал приводить себя в порядок. От Бориса была получена телеграмма, в которой он поздравил меня с двумя знаменательными событиями: окончанием средней школы и поступлением в военное училище.

Вечером я и мои принарядившиеся родители, прихватив с собой торт и букет, отправились в школу. У входных дверей нас гостеприимно встретил швейцар, а в холле играл духовой оркестр. В спортивном зале были накрыты столы, куда мать передала принесенный торт. Поднявшись на второй этаж, мы оказались в актовом зале, где все было приготовлено к торжеству.

Торжественный вечер, посвященный вручению аттестатов зрелости выпускникам 5-й средней школы г.Слуцка, открыл ее директор. Он поблагодарил нас за хорошую учебу, поздравил с успешным завершением школы и пожелал каждому из нас хорошо определиться в жизни. Добрые слова и пожелания высказали все выступающие, причем каждый учитель похвалил кого-нибудь из нас. А военрук Шнэк похвалил меня за правильно принятое решение посвятить свою жизнь защите родины и призвал молодых людей, будущих ее защитников, сделать то же.

По завершении выступлений начался торжественный церемониал. Каждый выпускник приглашался на сцену, где его очень тепло поздравляли с окончанием школы и под туш военного духового оркестра вручали Аттестат Зрелости.

После окончания торжественной части вечера, перейдя в спортивный зал, мы приступили к самой лучшей в жизни трапезе, к выслушиванию и произношению прекрасных тостов и к танцам под звуки того же оркестра. Этот вечер, запомнившийся мне на всю жизнь, продолжался до рассвета 20 июня.

Сколько за этот вечер было высказано добрых слов друг другу, объяснений в любви, обещаний и заверений! Сколько было смеха и веселья! Словом, вечер удался на славу, и после него каждый из нас почувствовал себя взрослым и ответственным за свою судьбу человеком. И каждый был уверен в том, что в нашей прекрасной стране его ждет светлое будущее.

Последующие два дня прошли как во сне. Сначала – в реальном сне после вечера, а затем – настоящий сумбур: встречи с друзьями, прогулки на велосипедах в зеленые зоны, купание в речке, прогулки в парке, помощь родителям по дому и т.д. и т.п. Ведь наступило время, когда с плеч был скинут приличный груз, а впереди нас ждали летние каникулы и отдых.

Чтобы все вышеизложенное и последующее повествование были правильно поняты, необходимо иметь четкое представление о стране, в которой мы жили. При этом нельзя также забывать, что происходило все это более шестидесяти лет тому назад, когда условия жизни были совершенно иными. В то время на нашей родине даже радиоприемник считался предметом роскоши.Только из репродукторов, установленных в домах и на улицах, можно было получить какую-то информацию о происходящих в мире событиях и о новостях. Причем в большинстве своем эта информация была искаженной, фальшивой или непонятной, так как отбиралась она пропагандистским аппаратом страны или подвергалась строжайшему цензурному контролю.

Такое же положение было и с прессой. Все издаваемые газеты, от центральных до районных, были под неусыпным оком государства. Неугодные властям материалы не печатались, а при выпуске такого номера газеты тираж полностью конфисковался, а автор или редактор сурово наказывались.

Домашние телефоны имели только большие начальники и избранные. Междугородная связь осуществлялась через телефонные узлы, куда необходимо было приходить как вызывающему, так и приглашаемому, причем о предстоящем разговоре приглашаемых оповещали телеграммами. Все эти переговоры полностью прослушивались.

Обмениваться почтовыми и телеграфными отправлениями с жителями других стран мы не могли, так как с одними такая связь была просто запрещена, а с другими – осуществлялась под строжайшим контролем.

Простые советские люди, проживая в таких условиях, практически были оторваны от всего мира, не представляли и не понимали, что в нем творится.

В то далекое время в выпускаемых на экраны кинофильмах показывали, что в нашей стране одни рекорды побивали другие; что социалистическая промышленность выпускает продукцию по многим параметрам превосходящую капиталистическую; что лучше колхозного строя в мире нет; что наши вооруженные силы самые мощные и в состоянии справиться с армиями всего мира, и многое другое, не выдерживающее никакой критики. Но мы свято в это верили, так как были уверены, что преподносимая нам информация абсолютно точная и правдивая, и что мы живем в самой лучшей стране мира с самым мощным военным потенциалом. И как можно было этому не верить, когда в песнях, пришедших с киноэкранов, были такие, например, слова:

Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужеством полны.
В строю стоят советские танкисты,
Своей великой Родины сыны.

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

Или другая песня:

Все выше, выше и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Страна была пронизана духом советского патриотизма. И, зная о неспокойствии в мире, о том, что в мире пахнет порохом, каждый думал, что все это происходит за границей, что нас это не касается, а если коснется – все закончится прекрасно.

А сейчас, когда вы получили некоторое представление о нашей жизни в Советском Союзе в те годы, я продолжу свой рассказ с надеждой, что вы сумеете более полно и правильно понять и осознать происшедшее.

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ
(1941 – 1945 ГОДЫ)

В субботу, после многочисленных встреч с моими товарищами по школе и их родителями, когда родители старались выудить из меня все трудности с которыми их чаду, возможно, придется встретиться при выборе своего будущего, я, наконец, вернулся домой. Было это поздней ночью, когда все мои уже спали. Стараясь не разбудить их, я тихонечко улегся в постель и тотчас же уснул. Сон был настолько крепким, что я даже не услышал три мощных взрыва, прогремевших на заре где-то вдали от дома и сильный гул пролетавших затем над домом самолетов. Рассказав мне об этом, родители были возмущены действиями военных, которые, проводя учебные стрельбы, даже ночью не дают людям спокойно спать.

Закончив утренний туалет и позавтракав, я отправился на встречу с моим другом. Мы должны были встретиться на пляже и провести предстоящий июньский солнечный день у воды, купаясь и загорая. Располагая запасом времени, я медленно, оглядываясь по сторонам, продвигался к условленному месту. Жизнь кругом шла своим чередом. Крестьяне в этот воскресный день, как обычно, подвозили продукты питания и живность на базар с тем, чтобы продав их, за вырученные деньги купить в магазинах все необходимое для жизни. Ведь за свой труд колхозники получали от колхоза только натуральные продукты, выращенные их трудом, и ни копейки деньгами. А навстречу со стороны рынка шли счастливые покупатели свежих и вкусных продуктов. Строем прошла небольшая группа военных, что для нашего города, где дислоцировалось несколько воинских частей, было вполне нормальным явлением. А вот почему на возвышенности бывшего еврейского кладбища, невдалеке от места нашей предстоящей встречи, расположились три зенитных установки, было совершенно непонятно. Непонятно было также, куда промчались галопом два кавалериста.

Размышляя об увиденном, я проглядел момент появления в небе пяти самолетов, из которых три были наши истребители, а два – чужаки, обозначенные белыми крестами. Маневрируя на больших скоростях и делая непостижимые виражи, они стреляли друг в друга. Это был самый настоящий воздушный бой с вражескими самолетами. Окончился он очень быстро, когда два наших истребителя загорелись и упали на землю, а третий пошел на посадку, весь окутанный дымом. Я был шокирован увиденным, забыл даже о предстоящей встрече с другом и направился домой.

Дома меня так рано никто не ожидал. На вопрос: «Что произошло?», я рассказал об увиденном воздушном бое и о необычном поведении военных. И когда вслед за этим из

уст родителей мне стало известно, что ночью на военный городок были сброшены бомбы, взрывы которых были ими восприняты как учебные стрельбы, я понял, что война добралась и до нашей страны. Непонятно было, почему об этом нет сообщения нашего правительства. И только спустя восемь часов после начала войны министр иностранных дел СССР Молотов в своем выступлении по радио оповестил советский народ о вероломном нападении Германии на Советский Союз и заявил, что, несмотря на внезапность нападения, враг будет отброшен, разбит и уничтожен. Это было в 12 часов дня, в воскресенье, 22 июня 1941 года.

Прослушав это сообщение, я был весь в гневе. В гневе на немцев, которые навязали нам войну, и в гневе на наше правительство, которое оповестило свой народ о начале войны с задержкой на много часов. В результате этого запоздалого сообщения многие военнослужащие и мирные жители были убиты и покалечены только из-за незнания о начале этой войны. Ведь еще более двух часов тому назад я своими глазами видел гибель экипажей трех советских истребителей, которые внезапно были атакованы и сбиты фашистскими самолетами. Так, по крайней мере, показалось мне. А если это не так, то как могло случиться, что два самолета противника без каких-либо потерь расправились с тремя советскими истребителями, которые, по определению нашего правительства, считались самыми лучшими в мире?!

После услышанного по радио мои родители как-то сразу сникли, очевидно, не понимая, что им следует делать и предпринять в данной ситуации. Я начал успокаивать их, заверяя, что наши мощные вооруженные силы быстро расправятся с немецкими войсками, и все станет на свои места. Как мне показалось, это несколько успокоило родителей. Хотя сам я почему-то верил в это с трудом. Зато я четко понимал, что для меня, по возрасту не подлежащего призыву в Красную Армию, и в то же время номинально являющегося курсантом военного училища, наступило очень тяжелое время. Время, когда сам не знаешь, что следует делать и к кому следует обратиться за помощью или советом.

После долгих раздумий я понял, что только в горвоенкомате могут дать квалифицированный ответ и указать место, уготовленное мне в это тяжелое для страны время. По пути в военный комиссариат я встретил хорошего знакомого, который, узнав, куда и зачем я направляюсь, воскликнул: «Ты что, ничего не знаешь?!! Ведь военкомат ночью разбомбили». Мою реакцию на услышанное передать трудно, но вы сами можете ее представить. А мысль о том, что я должен делать в условиях войны и где мое место в это тяжелое время, не покидала меня ни на минуту.

Несмотря на кажущееся спокойствие, на улицах города появилось значительно больше, чем обычно, людей, на лицах которых были беспокойство и тревога. Очевидно было, что сообщение о начале войны встревожило не только нашу семью.

Остаток этого первого ужасного дня войны и последующая ночь прошли для города без эксцессов. Вместе с тем отсутствие каких-либо правительственных сообщений о военных действиях на фронте порождало различного рода слухи, причем совершенно противоречивые. По одним – немцев вытеснили с нашей земли, и война переместилась на их территорию, а по другим - немцы успешно продвигаются вглубь нашей страны, не встречая серьезного сопротивления. Наша же семья была уверена в том, что Германия получила достойный отпор, а что касается слухов о захвате немцами наших территорий, то они являются просто провокационными. Не может того быть, чтобы наша страна, располагающая самыми лучшими вооруженными силами в мире, допустила это.

Несмотря на войну, город жил обычной жизнью. Предприятия и учреждения работали по своим графикам. Настораживало лишь то, что жители начали усиленно запасаться такими продуктами, как сахар, соль, мыло, сухари, керосин и другими, в результате чего полки магазинов заметно опустели. А к концу дня прошел слушок, что на улицах города появились молоденькие лейтенантики в новенькой форме и экипировке, в связи с чем подспудно возникал вопрос :« К чему бы это?». Ночью в городе, впервые с

начала войны, были слышны единичные выстрелы и автоматные очереди, а утром стало известно, что это была перестрелка между патрулями и этими лейтенантами, которые на самом деле были переодетыми немецкими диверсантами.

Откуда-то стало известно, что ночью немецкие самолеты очень сильно бомбили Минск. Это известие очень встревожило нашу семью. Ведь в Минске учился Борис, и мы о нем ничего не знали с момента начала войны. Мать, узнав о бомбардировке, в нервном шоке носилась по дому и причитала: «Как там наш Берелэ, что с ним?!!»

В городе появились первые беженцы, а вернее, беженки – жены и дети офицерского состава приграничных районов. С их появлением наши познания о том, что происходит на фронте, о месте сражения, о наших потерях и т.д. остались прежними. На наши вопросы, очевидно, боясь ответственности за разглашение военной тайны, следовало либо полное молчание, либо расплывчатые ответы. Ясность проявилась лишь в одном: война идет на нашей территории, и немцы продвигаются вглубь страны.

Уже укладываясь спать, впервые между нами, взрослыми, зашел разговор о возможной эвакуации вглубь страны. Слухи о тайной эвакуации семей руководящего состава города начали появляться накануне. А вот сегодня, на четвертый день войны, Хавелэ и Мотелэ своими глазами увидели, как тихо и незаметно для постороннего взгляда выезжала за пределы города проживавшая рядом с нами семья начальника милиции города. Каждый из нас высказал свою точку зрения по данной проблеме. Выслушав нас, отец сказал, что об эвакуации в настоящее время речи быть не может, так как нет указаний городских властей на это. Самовольный же выезд повлечет за собой невыход на работу, а по существующим законам даже опоздание на работу на минуты влечет за собой тюремное заключение. «Это то, что касается меня», - сказал отец. Что же касалось семьи, то в целях безопасности он не против был бы отправить нас вглубь страны, но железнодорожный и автомобильный транспорт обслуживал только военных. Поэтому ему нужно было подумать, каким путем это возможно сделать. Вместе с этим он напомнил нам, что Слуцк находится от границы на расстоянии около 300 километров, что само собой является надежным тылом для всех нас.

Утром 26 июня в районе русского кладбища немецкие самолеты выбросили десант, с которым небольшая группа наших военных вступила в ожесточенный бой. Вскоре к сражению присоединились два небольших самолета противника, которые методически с небольшой высоты расстреливали наших солдат. Выброс десанта и вид немецких самолетов, яростно и безнаказанно расправившихся с горсткой защитников родины, с новой силой растревожили наши души. А когда несколько часов спустя в небе появилось множество немецких самолетов, которые сбрасывали бомбы на городские кварталы, а артиллерия противника издалека начала беспощадный обстрел города, мы поняли, что попали в ловушку и необходимо, пока еще такая возможность есть, сделать что-то для спасения наших жизней. Незамедлительно мы покинули домашний очаг и бегом направились к густому кустарнику на окраине города, наивно считая, что здесь нас не заметят и можно будет переждать, пока этот обстрел города закончится.

Не успели мы придти в себя от увиденного, услышанного и пережитого, как со стороны колхозного поля послышался нарастающий гул моторов. Внимательно вглядевшись, я чуть не потерял дар речи. В стороне от нас по проселочной дороге, поднимая столбы пыли, с грохотом приближалась к городу колонна мотоциклистов и танков в сопровождении самолетов, которая не вела огня. Неожиданно появившийся откуда-то наш истребитель был моментально сбит. Вскоре вся эта грозная вражеская техника, обрушив шквал огня, вошла в горящий город, а наши души разрывались на части от увиденного.

Прошло немного времени, и стрельба в городе почти прекратилась. Зато в небе начали свирепствовать немецкие истребители. Они обстреливали все и вся. Над нашим кустарником на бреющем полете появилось несколько самолетов, которые со второго

захода начали яростный обстрел кустов. Нам показалось, что наступил конец света, ибо эти ужасные налеты продолжались очень долго.

После первых самолетных обстрелов выяснилось, что в кустах прятались не только мы одни. И те из прячущихся, у которых нервы не выдерживали, начали выбегать из кустов, направляясь к колхозному полю. Именно это, по моему глубокому убеждению, спасло нам жизнь.

Как только немецкие летчики увидели мечущихся людей, они начали самую настоящую охоту на каждого из них. А ведь это были сугубо гражданские лица разного возраста, от младенцев до глубоких стариков. Что здесь творилось, невозможно себе даже представить,так как результат этой воздушной охоты был ужасным: множество убитых, раненых, просящих помощи, кричащих, мечущихся, посылающих проклятия и даже тронувшихся умом людей. Никто не помогал другому, каждый был в глубоком шоке. Впервые в жизни я увидел вблизи убитых и раненных на войне людей, да еще таким зверским путем и в таком большом количестве.

Завершив этот кошмарный разбой и совершив прощальный облет кустарников, направляя на землю шквальный огонь смертоносного металла, самолеты улетели. Мы поняли, что на этот раз судьба нас миловала, и в то же время каждый из нас оплакивал свою судьбу..

Это было 26 июня 1941 года, всего только на пятый день войны, а немцы сумели уже захватить наш родной Слуцк, расположенный за сотни километров от советско-германской границы. Не сон ли это? А если нет – то кто был повинен в этом?

Между тем жизнь требовала срочных решений, так как наступили сумерки и надо было куда-то уходить из кустов .Оставаться на месте без еды, воды и одежды было бы величайшей глупостью. А возврат в город, захваченный немцами, уже успевшими показать свой звериный облик, нас очень пугал.

Было также неизвестно, сохранился ли после ожесточенных обстрелов и возникших пожаров наш дом или хотя бы часть домашнего очага. Решение пришло как-то само собой и неожиданно, когда мы вдруг увидели группу людей, таких же беженцев, как и мы, направляющуюся к городу. И мы поняли, что возвращение домой является единственным, что можно предпринять в нашем положении, тем более, что в любой момент из Минска может возвратиться наш Борис.

Добирались мы домой очень медленно и осторожно, постоянно оглядываясь по сторонам, боясь встретиться с немцами. Приблизившись к району нашего проживания, мы с некоторым облегчением вздохнули, увидев, что дом наш уцелел.А услышав вслед за этим грустное мычание нашей коровы, которую не доили более суток, и визжание некормленых недавно купленых двух поросят, поняли, что жизнь продолжается.

Сердобольная мама, несмотря на пережитое, сразу же пошла помочь корове освободиться от молока, а мы с отцом, следуя ее примеру, подготовили и принесли корм поросятам. Куры и гуси нас особенно не беспокоили, так как это было время их сна. Приготовив и поев горячий ужин и немного успокоившись, мы начали обдумывать, что следует предпринять, чтобы выжить в это ужасное для нас время. О том, что немцы уже принесли и еще принесут много горя и бед жителям города, сомнений не было. А вот как долго эта оккупация может продлиться, будут ли работать предприятия и учреждения и кто сможет на них работать, где и за что можно будет купить продукты питания и другие предметы, необходимые для жизни – на эти и многие другие вопросы ответа не было. Очень мучил нас вопрос об отношении немцев к евреям, и будет ли оно такое же, как ко всем остальным. Ведь перед войной в нашей стране показывали фильм «Профессор Мамлок», из которого следовало, что немцы не жалуют евреев и создают для них тяжелейшие условия жизни. Поскольку все высказанное и предполагаемое было только догадками и домыслами, мы решили отправиться спать, будучи уверенными, что утром многое прояснится. Тем более, что в городе установилась абсолютная тишина.

После беспокойного сна я поднялся очень рано, когда все еще спали, и сразу же вышел на улицу. Первое впечатление было такое, что ничего существенного не произошло, все были на своих местах. И лишь приносимый ветром запах гари, свойственный пожарищу, напоминал о случившемся и о том, что мы совершенно не представляем, что нас ожидает. Прояснится ли что-нибудь в ближайшие дни – тоже не известно. Поэтому, чтобы продержаться какое-то время, нужно было рассчитывать только на свои возможности. Нам пока повезло: дом остался невредимым, домашняя живность сохранилась, в погребе есть какие-то запасы продуктов, а на огороде растут свежие овощи. Кроме того, отец с матерью поделились со мной тем, что у них имеются некоторые золотые и серебряные изделия, а также денежные сбережения, и что мы сможем нормально прожить в связи с этим не менее десяти дней при условии, что немцы не нарушат наш образ жизни.

О каком нормальном образе жизни могла идти речь, когда мы ничего не знали о нашем Борисе: где он, жив ли и сможем ли мы когда-нибудь его увидеть? Не знали мы также, какая участь уготована всем нам в ближайшее время. Вот это полное незнание потребовало хотя бы какого-то прояснения, и я, набравшись смелости, решился пройтись по городу, чему родители очень сопротивлялись, тревожась за меня.

В городе было тихо. И все же, несмотря на кажущееся спокойствие, у меня было какое-то недоброе предчувствие. По мере приближения к центральной части города, количество разрушенных и пострадавших от обстрела домов увеличивалось, а сам центр был превращен в руины и тлеющее пепелище. Страдания и ужас были написаны на лицах редко встречавшихся прохожих. Немцев в городе я не видел, но они могли появиться в любой момент.

Где-то к полудню на центральной магистрали города в направлении городов Минск и Бобруйск со стороны города Бреста начала продвигаться большая колонна немецких танков, мотоциклистов, пехоты и артиллерии, а также большегрузых крытых автомашин с прицепами. Мощный гул моторов и скрежет гусениц напугал многих жителей города и заставил их покинуть свои дома и квартиры, опасаясь повторения вчерашних событий. Но увидев этот парад немецкой военной техники, приветливо улыбающихся солдат и офицеров с закатанными рукавами, поющих под звуки губных гармоний песни, прекрасно экипированных и в то же время готовых сходу вступить в бой с противником, тяжело было поверить, что это те же войска, которые вчера разрушали город и убивали мирных жителей.

Примерно в то же время на улицах города начали появляться выхоленные, в красивой зеленого цвета форме, солдаты и офицеры фашистской Германии с надписью на бляшках поясов «Бог с нами». Причем вели они себя корректно, подчеркивая отсутствие враждебности к жителям захваченной территории, что породило сомнение в способности этих чужаков принести горе и слезы нашему народу. Эти сомнения очень быстро улетучились, так как очень скоро немцы показали себя варварами по отношению к еврейскому населению и к нашей семье в частности.

Уже вечером того же дня к нам на постой был определен невысокого звания офицер. Готовясь к вечерней трапезе, он великодушно предложил нам две буханки немецкого хлеба, от которых мы, естественно, не отказались. В знак признательности за этот жест мы предложили ему яичницу на сале, которую он с удовольствием съел. Пришедшему к нему в гости офицеру он рассказал о великолепном блюде, которым его угостили, и, будучи абсолютно уверенным, что мы славяне (так как евреи сало не едят), сказал, указывая на нас, что эти русские, кажется, неплохие люди. А затем, из завязавшейся между ними беседы, я уловил, что на днях они займут Минск, что война будет закончена в две-три недели и что они скоро покончат с коммунистами и евреями. От услышанного у меня мурашки по лбу побежали. Родителям об услышанном я ничего не

сказал в надежде, что с моими очень слабыми школьными знаниями немецкого языка я мог что-то неправильно понять или напутать.

Утром 28 июня 1941 года, т.е. на седьмой день войны, когда наш постоялец, попрощавшись с нами, заявил, что он уезжает в Минск, мы ему не поверили.
А к вечеру того же дня до нас дошел слух, что ночью немецкие самолеты и артиллерия почти полностью разрушили этот прекрасный город, и что после этого немецкие войска заняли Минск. Все мы, а мать в особенности, узнав об этом места себе не находили, все думали только об одном, о нашем родном Берелэ.

Мы были полностью шокированы всем происшедшим с нами в первую неделю с начала войны. Мог ли кто-нибудь из жителей СССР представить себе, что фашистская Германия сможет за считанные дни войны углубиться в нашу страну на сотни километров, захватив множество населенных пунктов и столицу Белорусской республики, расположенную от границы на расстоянии более 350 километров. Куда девалась Красная Армия, мощью и героизмом которой до войны восторгалась вся страна? А чем занимались в это грозное время наши хваленые самые лучшие в мире самолеты, самые быстроходные танки и славные защитники границ нашей родины?!

Перед тем, как продолжить рассказ о нашей жизни при немецкой оккупации (если это вообще можно назвать жизнью), я заранее прошу прощения за возможные ошибки в хронологии повествования. Что касается самого рассказа, то, заверяю вас, он будет абсолютно правдивым, в нем не будет ни слова надуманного или лжи. Тем более, что речь пойдет о нашей семье, в живых из которой сейчас остался лишь я один. А о покойниках грешно говорить неправду.

После захвата Минска в нашем городе заметна стала передислокация немецких войск: одни выходили на восток, в сторону Бобруйска, а другие подходили в город с запада. Вместо военной техники на улицах появились большие крытые и открытые фуры и арбы, тягловой силой которых были до того не виданные нами мощные крупногабаритные и короткохвостые лошади, а вместо мотоциклистов появились велосипедисты. Появление этих тыловых частей мы сразу почувствовали. Они запросто лазили по садам и огородам, заглядывали в сараи и дома, к чему-то присматривались, а что-то сразу забирали с собой.

Через несколько дней два велосипедиста зашли в наш дом и, увидев нашу семейную гордость – велосипед марки «Харьков», просто забрали его. В дальнейшем не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из немецких солдат не заглядывал в наш дом. «Яйки» и «шпик» были вначале любимыми объектами их охоты. Избегая возможных осложнений и располагая некоторым запасом яичек и сала, мы, что-то им отдавая, относительно легко избавлялись от их присутствия.

В это время, где-то на шестой или седьмой день после захвата немцами столицы Белоруссии, неожиданно для всех нас вернулся домой Борис, наш Берелэ, еле державшийся на ногах. Вид у него был страшный и его трудно было узнать. Он был одет в какие-то лохмотья, неимоверно худой и очень напуганный. После нашей горячей и радостной встречи он нам поведал свою грустную историю.

Несмотря на начало войны, в техникуме заканчивался экзаменационный семестр. Будучи абсолютно уверенным, что германские войска отброшены от границы, и что война уже идет на территории Германии, он особых волнений не испытывал. 26 июня он завершил учебу в техникуме и собирался на следующий день поехать домой, в Слуцк. А утром он случайно узнал, что его родной город Слуцк заняли немцы,
и что дорога Минск-Слуцк забита нашими отступающими войсками, преследуемыми германскими войсками и самолетами. В этих условиях отправляться в Слуцк пешком, да еще под постоянной угрозой быть убитым или раненым, было безумием, и он решил зайти к дяде Юдулу за советом. В то время, когда он подходил к месту жительства дяди, немецкая артиллерия и самолеты вдруг начали многочасовой массированный обстрел и бомбардировку этого района города. И все это время брат вынужден был отсиживаться в

воронке от ранее разорвавшегося снаряда. Когда артобстрел и бомбардировка прекратились, он с ужасом увидел, что дом, к которому он направлялся, полностью разрушен. Попытка добраться поближе к дому с целью узнать судьбу дяди и его семьи оказалась безуспешной из-за больших завалов от разрушений и пожаров, откуда слышны были крики о помощи оказавшихся под развалинами людей. Невозможно даже представить себе, каково было ему, 16-летнему юноше, на голову которого свалилось столько бед, да еще за такое короткое время! Но это было еще не все. Когда Борис, совсем разбитый от увиденного, каким-то чудом добрался до почти полностью сгоревшего общежития, в котором находились его пожитки и документы, он упал в обморок. Как долго длилось обморочное состояние, он не знал. Он помнил только, что, очнувшись и не представляя, что следует предпринять в этом ужасном для него положении, добрался до каких-то кустиков и неожиданно заснул крепким сном. А когда от сильного грохота и шума он внезапно проснулся и увидел передвигающиеся по соседней улице немецкие танки с солдатами на них, его охватил ужас от безвыходности его положения. Но жизнь продолжалась и, понимая, что без одежды и документов, без продуктов питания и денег, да еще в условиях немецкой оккупации, его ждет неминуемая гибель, он отправился в тяжелую и длинную дорогу в Слуцк, к своим самым близким людям, в надежде, что они живы и что вместе легче будет пережить это тяжелое время. И дошел. А после состоявшейся встречи выяснилось, что попал он из огня да в полымя.

К тому времени немцы совсем обнаглели. Они с азартом отлавливали и забирали у жителей всю встречающуюся им живность. Только у одной нашей семьи они отобрали всю птицу, двух поросят, лишив нас основного источника существования. Даже этот явный грабеж мы почему-то посчитали проделкой какой-то тыловой части, так как не верилось, что цивилизованная немецкая нация может быть способна на такое. Но после появления в городе жандармерии и войск СС стало абсолютно ясно, что немецкие фашисты, выросшие за крайне небольшой отрезок времени (всего за 7-8 лет) – это не люди, а звери в человеческом обличии.

Эти нелюди, подобно охотникам, постоянно проводили облавы не на зверей, а на жителей города и, в основном, на евреев. Они перекрывали несколько кварталов и тот несчастный, кто в это время попадал в поле зрения карателей, был обречен. Его расстреливали либо на месте, либо в составе группы на специально подготовленной для этой цели площадке.

Напоровшись на одну из таких облав, я был схвачен немцами и вместе с другими такими же несчастными доставлен на автомашине во двор бывшего детского садика по улице Монахова, расположенного недалеко от нашего дома. Всем нам было приказано покинуть машину и стать с поднятыми руками к кирпичной стене здания. Когда мы под смех и гогот карателей направлялись к стене, один из них подошел ко мне и в резкой форме спросил, сколько мне лет. И я, по какой-то внутренней подсказке и совершенно неожиданно для самого себя, моментально выкрикнул: «Пятнадцать!». В ту же секунду каратель, указывая на открытые ворота, начал кричать: «Люс, люс» и, видя, что я замешкался, не понимая, что от меня хотят, начал стегать меня плетью, повторяя то же слово : «Люс!». Я побежал к воротам, выскочил на проезжую часть улицы и через несколько минут был уже дома. Еще не успел я отдышаться и придти в себя от случившегося, как со стороны детского садика послышались автоматные очереди. Очевидно, судьбе было угодно и на этот раз оставить меня в живых, в отличие от тех более двадцати несчастных, расстрелянных во дворе садика.

Такие или подобные облавы проводились очень часто, причем масштабность их была разная. Были большие облавы, в результате которых фашисты за один только день лишали жизни сотни евреев. Были и очень большие облавы, когда в день расстреливалось несколько тысяч евреев. Да и технология этих зверей по уничтожению невинных людей была разной.

Однажды, вернувшись домой, я застал плачущую мать и утешающих ее Мотелэ и Хавелэ. На вопрос, что случилось, мать сказала, что где-то час тому назад в дом зашли два немца и, убедившись, что пришли в еврейский дом, увели с собой папу и Бориса. Это было ужасное известие, так как от фашистов можно было ожидать любой трагический исход для нашей семьи. Взяв себя в руки и стараясь как-то успокоить мать, я сказал ей, что выйду на улицу с тем, чтобы попытаться что-нибудь узнать о происшедшем. Походив несколько минут по улице и понимая нереальность моего желания, я решил вернуться. Когда я находился буквально в ста метрах от дома, вдруг рядом со мной остановилась автомашина с немцами, которые приказали мне влезть в кузов. Через несколько минут машина оказалась на территории слуцкого рынка, где несколько групп людей, в значительном отдалении друг от друга, под надзором фашистов переносили нечто очень тяжелое. К одной из них, в которой человек десять евреев, растянувшись на несколько десятков метров, перетаскивали или перекатывали многопудовые камни, немцы присоединили и меня. Отца и брата в этой группе я не увидел, хотя был уверен, что они здесь, на рынке, только в других группах.

Зная звериные повадки фашистских гадов и чем такие «забавы» обычно заканчиваются, я принял решение бежать, бежать, ни с чем не считаясь. И мне это удалось, хотя уверенность была нулевая. Когда в очередной раз я подходил с камнем к месту назначения, а на другом конце шеренги что-то произошло с одним из несчастных, и все внимание немцев было направлено в то место, мне незаметно удалось скрыться за деревянным забором базарной уборной. Мое исчезновение фашистами замечено не было, и я сумел после тяжелой изнурительной дороги с большими предосторожностями добраться до родного очага. Здесь выяснилось, что недавно вернулся домой отец, что все мы явились жертвами группы СС, расположившейся на рынке, и что мы бессильны оказать помощь оказавшемуся в их руках нашему Борису. Ведь отец был временно отпущен одним из эсэсовцев при условии, что он принесет золотые часы матери. В качестве заложника у варвара оставался Борис. При возврате отца с часами он обещал отпустить обоих, а при невозвращении отца – расстрелять Бориса. Сколько слез было пролито нашей семьей из-за безвыходности положения, грозящей гибелью двух самых близких людей!

К вечеру ситуация резко изменилась. На пороге дома мы вдруг увидели Бориса, который, воспользовавшись густым туманом, нависшим над рынком, сумел бежать. Но ведь если немцам известно место нашего проживания, они могут появиться в любой момент, и тогда вся наша семья обречена. Если же им это неизвестно, у нас есть какое-то время для маневрирования. Отец и брат убедили нас в том, что фашисты не знают, где находится наш дом. Ведь их из дома взяли одни немцы, а на базаре их просто присоединили к работающей группе, охраняемой другими немцами. И все же, с целью исключения случайностей, я, брат и отец покинули дом и перешли жить в сарай, откуда, в случае опасности, можно легко перебраться в погреб, надежно защищенный от посторонних глаз. Ночь для нас прошла относительно спокойно, если не считать автоматные очереди, прозвучавшие ранним утром в районе колхозного поля. А утром русские соседи через улицу, будучи «еврейскими доброжелателями», сообщили нашей семье потрясающую новость. Они своими глазами видели, как немцы на рассвете из района городского рынка на двух грузовиках подвезли к полю колхоза имени 1 Мая много еврейских мужчин и здесь же всех расстреляли. Так что и на этот раз судьба милостиво отнеслась к нашей семье.

Положение евреев с каждым днем ухудшалось. Каждый еврей обязан был носить пришитую к верхней одежде спереди и сзади желтую шестиконечную звезду – Могендовид. Еврею запрещалось ходить по тротуарам. Ему для движения по улице отводилась проезжая часть. Еврей обязан был при встрече с немцем низко кланяться, обязательно снимая головной убор. Евреи не имели права собираться группами более 3-х человек, заходить в общественные места, выходить за пределы города, вступать в

разговоры с немцами, появляться на улице в вечернее время и многое, многое другое. И за каждую такую «провинность» полагалась лишь одна мера наказания – расстрел. Справедливости ради следует добавить, что для евреев немцами был придуман еще один способ лишения их жизней. Это – медленная смерть от полного истощения организма вследствие полуголодного существования.

В осуществлении варварской задумки по отношению к еврейской нации фашистам помогала целая свора полицейских, набранных в основном из бывших уголовников, недовольных или обиженных советской властью людей и прочей сволочи. Это они, где и когда только могли, демонстрировали свою преданность немцам и считали за честь выдать, предать или расстрелять еврея.

Один из моих самых почитаемых учителей стал в период немецкой оккупации первым лицом нашего города. Военрук Шнэк, который всей своей деятельностью до войны демонстрировал преданность родине и любовь к коммунистической партии и который воспитывал нас, молодых людей, в духе советского патриотизма, на деле оказался фашистским резидентом. И за это немцы пожаловали ему должность бургомистра города Слуцка. Располагая досье на многих работников довоенного периода, он помог фашистам быстро расправиться с неугодными ему и полностью заняться решением еврейского вопроса.

В довоенном городе жил почти всем известный нищий, который за неделю успевал обходить город вдоль и поперек, собирая все, что ему давали. Каждому подавшему милостыню в любой форме (денежной, продуктовой или вещевой), он низко кланялся и выражал душевную благодарность. Его одежда была подстать его ремеслу, и все его одаривали, кто чем мог.А вот с немецкой оккупацией все резко изменилось. Фашисты подарили ему особняк бывшего высокопоставленного военачальника, одели его с иголочки. И он, знавший досконально каждого жителя, стал их незаменимым помощником. Сколько человеческих жизней, в том числе и еврейских, с его помощью было погублено, известно одному только Б-гу.

В двух кварталах от нашего дома в своем небольшом старом домике проживал некий Малибошка, абсолютно незаметная личность при советской власти. С появлением в городе фашистских оккупантов он всю свою энергию направил на травлю лиц еврейской национальности. Каждому встречному еврею он говорил, например, что завтра будет облава и его, пархатого жида, убьют; или : «Беги скорей домой, там твою семью уже расстреляли». Сколько горя этот гад и подонок причинил честным и порядочным людям!

В то далекое время я знал поименно многих врагов и палачей нашего народа и их гнусные дела. К сожалению, а, возможно, к счастью, за эти прошедшие долгие годы они выветрились из моей памяти. Но зато память крепко держит все то доброе, что сделали для нас, евреев, многие жители города, неевреи.

За несколько первых месяцев оккупации наши скудные продовольственные запасы резко сократились. Основным продуктом питания стали овощи, хранящиеся в нашем чудо-погребе. Ведь с того момента, когда немцы отобрали у нас всю живность, фашисты лишили нас основных высококалорийных продуктов, в результате чего наши организмы резко истощились. И в это тяжелое для нас время проявилось благородство соседей, друзей и добрых людей, которые помогли нам выжить. Поскольку евреям запрещалось появляться в общественных местах, они, наши спасители, порой даже рискуя жизнью, покупали и приносили нашей семье продукты питания. Многие сельские жители, которые раньше пользовались услугами отца, не забывали Хаима и, проезжая ранним утром на базар мимо нашего дома, заносили ему какие-то продуктовые подарки. А некоторые соседи просто делились с нами своими продуктами с огорода.

Трудно сказать, сколько времени наша семья могла бы продержаться при таком очень скудном рационе питания. Выручило то, что в городе открылось несколько промышленных предприятий, которым требовались разные специалисты. Специальность

отца оказалась дефицитной, и ему была предложена работа на одном предприятии в качестве кузнеца.

На том же предприятии, где работал отец, вскоре, с его помощью, в качестве гвоздильщика определился с работой и я. В маленьком цеху несколько человек на станках изготавливали половые гвозди. При отсутствии какого-либо опыта работы, моя выработка, естественно, была значительно ниже, чем у других станочников. Ликвидировать этот пробел помогла мне работающая рядом со мной чудесная женщина по имени Маруся. Она за короткое время научила меня работать одновременно обеими руками и, использовав каждый рабочий такт станка, добиться такой же выработки и заработной платы, как у нее. А за деньги мы здесь же, на предприятии, имели возможность купить скудный набор продуктов питания и некоторые хозяйственные товары, так необходимые нашей семье.

С момента начала работы предприятия появился новый приказ фашистов, запрещающий евреям ходить на работу и с работы поодиночке. Ходить им надлежало только строем или колонной по проезжей части улицы. По мере продвижения колонны на работу она увеличивалась за счет присоединения работающих людей, а при возвращении с работы домой она постепенно уменьшалась. Это был еще один варварский приказ, унижающий человеческое достоинство евреев и обрекающий их на новые испытания и мучения. Ведь в городе почти все улицы были грунтовые или плохо мощеные камнем, где постоянно стояла грязь и вода, размешиваемые балаголами, фурами и автомашинами. В то время, когда жители города передвигались по добротным тротуарам, евреи месили грязь проезжей части улиц, не имея даже возможности рассмотреть дорогу перед собой. Вымазаные, выпачканые и облепленые грязью, они приходили на работу и возвращались домой с работы. Сколько труда и нервов эти люди тратили на то, чтобы избавиться от грязи.

После того, как Борис устроился на работу в какую-то мастерскую по ремонту электрооборудования, продуктовая проблема в нашей семье стала минимальной. Нас не очень волновали приближающиеся холода, так как в сарае было достаточно дров еще довоенной заготовки – не менее, чем на два отопительных сезона, и все мы были обеспечены теплой одеждой. Страшила неопределенность нашего положения. Облавы начали чередоваться с погромами, причем последние носили массовый и беспощадный характер. Еврея, где бы он ни находился, всегда поджидала беда. Во время только двух ноябрьских (1941 года) погромов было убито много сотен евреев. Их вылавливали и расстреливали прямо на улицах, в домах и дворах и даже на территориях предприятий.

Где-то в начале ноября, перед самым обедом, стало известно, что немцы зверствуют в районе расположения нашего предприятия и охотятся на евреев. Нееврей, с которыми мы вместе работали, посоветовали нам немедленно спрятаться Мы только успели забраться на чердак конюшни, где стояли на привязи три лошади, и укрыться глубоко в хранящемся здесь сене, как во дворе послышалась немецкая речь и звуки открываемых дверей. Двое фашистов зашли в конюшню и на вопрос одного из них, будут ли они залезать на чердак, второй ответил: «Нет. Здесь даже лестницы нет». И они ушли. В отдалении послышались какие-то окрики и прозвучало несколько выстрелов. Через какое-то время Маруся дала нам знать, что немцы ушли, и мы спустились со своего укрытия. Оказавшись за пределами конюшни, мы увидели нечто страшное: у стены колесного цеха лежал убитый наш товарищ Мотул Милкес, а рядом с ним небольшой пакет с продуктами, принесенный им из дома для обеда. Стало также известно, что немцы у проема забора застрелили работника-нееврея, который, возможно, испугавшись,собирался покинуть территорию предприятия.

Мы были полностью лишены какой-либо информации о положении на советско-германском фронте и о происходящих событиях в мире. Нам ничего не было известно о том, в какой стадии находится война и ведется ли она вообще. Ведь фашисты все время твердили о своих успехах на фронте: что они взяли Москву и что скоро с Россией будет полностью покончено. Однако усилившиеся репрессии на оккупированной территории

вызывали сомнение в этом. Неожиданно наше сомнение нашло документальное подтверждение на первой странице одной из немецких газет за октябрь 1941 г., случайно попавшей в поле моего зрения. В ней крупным планом были помещены две фотографии. На одной из них были показаны советские маршалы Ворошилов, Буденный и Тимошенко, чьи подразделения были разбиты героическими немецкими войсками. На второй – портрет маршала (или генерала) Жукова, под которым в иронической форме было написано, что это – новая личность, «призванная спасти Москву». Стало ясно, что фашисты выдают желаемое за действительное, что Москва немцами не взята, что на фронте продолжаются упорные бои. И неизвестно, чем эта война, длившаяся уже более четырех месяцев, закончится для Германии и для Советского Союза. Неизвестно было также, что будет с нами и какая судьба, в связи с неясностью, кто победит, уготована еврейской нации и каждому еврею в отдельности. Ясность была только в одном: чем хуже будут дела у немцев на фронте, тем ужаснее будет наше положение.

В конце 1941 г.начала проводиться поголовная перепись еврейского населения и, в связи с этим, поползли слухи о переселении всех евреев в специально отведенный район города – в еврейское гетто. Очень не хотелось верить этим слухам, сулившим евреям нечто очень страшное и ужасное. Но, к нашему великому несчастью, это переселение состоялось весной 1942 года.

Не останавливаясь на подробностях самого процесса переселения, прошедшего с муками и обилием пролитых слез в каждой семье, я расскажу лишь об условиях жизни нашей семьи в гетто, уготованном ей фашистами и их холуями. Нас, две семьи, поселили в небольшом домике с четырьмя маленькими комнатами и кухней. В выделенных нашей семье двух комнатушках мы сумели с трудом разместить три кровати и маленький буфет, в котором удалось разместить минимум необходимых вещей и ценностей. Всю остальную мебель и ценности, а также наш собственный жилой дом с пристройками и приусадебным участком отняли у нас немцы и разного рода другая сволочь. Но самое страшное и ужасное было то, что мы оказались загнанными на территорию, огороженную густым высоким забором и колючей проволокой с пропущенным через нее электрическим током и которая круглосуточно усиленно охранялась большим количеством фашистов, полицейских и сворой сторожевых собак. Они контролировали вход и выход в гетто и из гетто, осуществляемые через единственные ворота, специально для этого построенные. Мы, наподобие зверей, были загнаны в одну большую клетку, но в отличие от несчастных животных, которые не знали, какая судьба им уготована, мы точно знали, что ожидает каждого из нас. И если кто-нибудь думал по-другому, ему фашисты систематически напоминали, кто он, почему он в гетто и какой ждет его финал.

Почти каждую неделю днем внутри гетто проводились так называемые малые погромы, когда несколько фашистов врывалось, по их выбору, в дома, круша все на своем пути и расстреливая всех находящихся в это время в доме. Были и большие погромы, когда оцепляли какой-то район внутри гетто, все жители выгонялись из домов и направлялись к воротам. Там фашисты загоняли их в машины, отвозили в заранее подготовленное место и там расстреливали.

А в канун ноябрьских праздников 1942 года в нашем гетто было устроено настоящее побоище, в результате которого за один только день 6 ноября было уничтожено более тысячи евреев разного возраста, от младенцев до глубоких стариков. С этого дня погромы проводились очень часто, и количество проживающих в гетто евреев систематически уменьшалось. Почти в каждой семье были убиты некоторые ее члены, а отдельные семьи были полностью уничтожены. Наша же семья, волею судьбы и стечением различного рода обстоятельств, продолжала оставаться в полном составе. А жизнь в гетто, хотя страшная и ужасная, все же продолжалась, продолжалась до 8 февраля 1943 года. В этот день Слуцкое гетто перестало существовать, и все еврейское население города было полностью уничтожено нацистами и их прихлебателями-полицаями и разной сволочью. С ужасом

вспоминаю некоторые подробности этого кошмарного дня для несчастных евреев гетто и для моей семьи в частности.

Рано утром этого дня я, как обычно, позавтракав и захватив с собой собойку, направился на работу через проходные ворота. Приближаясь к ним, я обратил внимание на чрезмерно большое количество гестаповцев с собаками как внутри гетто, так и за его пределами. Поняв, что затевается что-то особое, я решил возвратиться назад, но не тут-то было. Заметивший меня охранник приказал подойти к нему, ударил меня и потребовал назвать профессию. И, получив в ответ «гвоздильщик», толкнул меня в одну из рядом стоящих групп людей, таких же как я. Подобное происходило с каждым приближающимся к проходной. Такое же произошло и с моим отцом, который в ответ на требование назвать профессию, выкрикнул «кузнец», и был отправлен в ту же группу, где стоял я.

В дальнейшем события развивались с молниеносной быстротой. Из подъехавших крытых грузовиков начали выскакивать эсэсовцы с автоматами и собаками, направляясь в темпе вглубь гетто. Отдавались какие-то крикливые команды, разобрать которые из-за большого расстояния не представлялось возможным. В эти же грузовики начали спешно загонять тех людей, которые были собраны у проходных ворот. В одном из грузовиков оказались мы оба, я и отец. Какие мысли одолевали нас и других в автомашине, одному Б-гу известно. Ведь там, в гетто, остались мама, Борис, Мотелэ и Хавелэ, наши самые близкие, дорогие и любимые люди. Какова их судьба? Что их ожидает? О себе мы не думали, так как знали, что увозимые гестаповцами из гетто евреи назад не возвращались. Их просто убивали.

А произошло нечто из ряда вон выходящее.Вместо ожидаемой смерти все мы, находящиеся в автомашине, вдруг оказались в одной из камер Слуцкой тюрьмы. И когда один из тюремных русских надзирателей, ухмыляясь, сказал нам, несчастным людям: «Наконец-то с проклятым жидовьем в городе покончено», можно представить и понять, каково было наше состояние после услышанного. А когда вечером из окна тюремной камеры стало видно, как горит подожженное гетто, где находились самые родные и близкие люди, нашему человеческому горю, горю обреченных не было предела. Глядя на зарево от горящего гетто, у меня сердце разрывалось на части от того, что в этот самый критический и последний момент жизни моих дорогих и родных мамочки Хаси, братиков Мотелэ и Берелэ и сестрички Хавелэ, я ничем не мог им помочь. Не могли помочь им и два построенных нами в гетто и скрытых от посторонних глаз подземных лаза, которые до этого неоднократно спасали нашу семью во время проводимых фашистами облав и погромов.

Неожиданные события следовали одно за другим. Ночью один из тюремных надзирателей, открыв камеру и увидев отца, с которым он до войны вместе работал и который хорошо знал всю нашу семью, вдруг крикнул: «Хаим, твой сын тоже здесь!». Отец очень равнодушно ответил: «Я знаю, вот он…» и показал на меня. Жук (так звали этого надзирателя) с обидой сказал: «Нет, Хаим, не этот, а младший». Почти потерявший дар речи отец выдавил: «Где?» и услышав в ответ: «В соседней камере», с мольбой и слезами на глазах попросил надзирателя сделать что-нибудь, чтобы мы были вместе. И, надо сказать, что Жук сделал это, разрешив брату перебежать в нашу камеру взамен кого-то, перебежавшего по своей воле в обратную сторону.

От того, что рассказал мой брат Борис находящимся в тюремной камере, у всех волосы стали дыбом. Ведь он только что своими глазами видел, как расстреливали или выкидывали из машин уже умерших или умирающих после газовых камер людей, невзирая на их пол и возраст, только за то, что они евреи. Еще утром, отправляясь на работу, он и предполагать не мог, что его вместе с другими у ворот гетто загонят прикладами в автомашину и под усиленной охраной повезут неизвестно куда. А когда их высадили за городом у вырытых рвов, они поняли, что их смертный час настал. Но оказалось, что временно (это было ясно) казнь была отложена. Им была отведена роль чернорабочих.

При невыполнении того или иного приказа эсэсовцев их избивали до смерти. И когда к вечеру эта страшная работа еще не была закончена, их, оставшихся в живых, снова посадили в автомашину и привезли в тюрьму. На брата страшно было смотреть, так как все его тело было в синяках и ссадинах, а одежда - в крови.

На описание того, что творилось этой ночью в тюремной камере, где находилось двадцать пять убитых горем людей, у меня просто нехватает сил. Скажу только, что утром, перед сменой охраны, тот самый знакомый надзиратель шепнул отцу, что камера, где вчера находился его сын, уже пуста, что ранним утром эсэсовцы приехали и увезли из нее всех.

А через несколько часов наступил черед и узников нашей камеры. Находящихся в ней евреев, под усиленной охраной гестаповцев, увезли из тюрьмы. Абсолютно все обреченные были уверены, что наступил смертный час, в том числе и наш тоже. Однако через несколько часов езды машина въехала в какие-то ворота, и оказалось, что нас привезли…в Минскую тюрьму.

Зачем обреченных на гибель людей перевозили из одной тюрьмы в другую? Какую участь уготовили этим несчастным оккупанты-разбойники? Наступит ли предел человеческому горю? Когда, как и где? Полная неясность. Никто ничего не понимал.

А назавтра был снова переезд. Снова машина, охрана и поездка в неизвестное. После относительно недолгой езды нас высадили у каких-то бараков, находящихся внутри территории, огражденной высоким забором и густой колючей проволокой с высокими сторожевыми вышками для охранников. К месту высадки подъехало еще несколько машин с узниками. Всех прибывших выстроили в ряды и каждому задавался гестаповцем только один вопрос – вопрос о его профессии. После ответа каждый из нас направлялся в одну из двух формировавшихся здесь же групп. Поскольку отец был по профессии колесник-кузнец, а брат – электрик, они попали в разные группы. Я же, назвавшись гвоздильщиком, был определен в группу отца. Вначале ни брат, ни я; ни отец не придали этому существенного значения. Но когда формирование было закончено и к группе брата были поданы автомашины, которые после загрузки их стоящими тронулись в путь, мы все трое поняли, что нас ждет очередная трагедия. Брата увезли в неизвестность, а нас оставили на месте.

Вскоре выяснилось, что мы оба (отец и я) находимся в Тростянецком концентрационном лагере, вблизи Минска. Этот лагерь был перевалочным. Сюда привозили евреев из разных европейских государств, в основном, из Германии, для уничтожения в печи крематория, который дымил круглосуточно. При лагере были разного рода мастерские, в которых работали узники различных профессий. После отправки очередной партии работающих специалистов в крематорий для их уничтожения, освободившиеся рабочие места заполнялись новыми специалистами, в основном, евреями. Двумя такими специалистами волею судьбы оказались и я с отцом, привезенные сюда из уничтоженного Слуцкого гетто. Отец был определен гестаповцами в кузницу, где выполнял различного рода работы по изготовлению и ремонту телег, подковке лошадей и т.п. Я же был определен эсэсовцами на пилораму, где выполнял тяжелейшую работу по подкатке бревен к пилораме или ручную обработку этих бревен для строительных работ.

Это был очень суровый концентрационный лагерь. Здесь каждый день проводилось построение узников и очень часто на их глазах кого-то за какие-то «провинности» избивали до смерти или просто расстреливали. Это были ужасные зрелища. Здесь особое усердие проявляли часто меняющиеся коменданты лагеря. Запромнились фамилии особо зверствующих из них: Тош и Эйхе. Как один, так и другой очень любили эти построения, так как они позволяли им демонстрировать их вседозволенность и, пользуясь этим, держать узников в постоянном страхе. Причем вся грязная работа по избиению узников проводилась постоянной группой из тех же узников, подкармливаемых комендантами. Себе же они оставляли «благородную работу», доставлявшую им удовольствие и наслаждение – выстрел в затылок обреченого.

В лагере мы оба работали очень тяжело – отец в кузнице, а я у лесопилки. Все узники за свой труд получали скудное трехразовое питание, а работающим на тяжелых работах выдавалась еще незначительная надбавка из более калорийных продуктов, называемая «цубуса». Естественно, что отец и я такую надбавку получали. Советских евреев в концентрационном лагере было немного, и они работали в разных местах, на значительном расстоянии друг от друга. Работать нам приходилось с евреями, привезенными сюда из других европейских государств. В большинстве это были немецкие евреи, знающие, в основном, немецкий язык. В результате наше общение с ними было затруднено. Мое общение с отцом тоже было затруднено, так как при размещении нас определили жить в разных бараках. К тому же, работая в разных местах, нам не каждый день удавалось встречаться.

В концентрационный лагерь нас привезли в холодном феврале, и у каждого было лишь то, во что он был одет. Это было рабочее одеяние, которое мы не снимали с момента уничтожения слуцкого гетто, и в котором мы несколько суток находились в арестантских камерах двух тюрем. И когда сразу по прибытии нас в концлагерь каждый получил полный набор новой или почти новой импортной одежды взамен оставленного в лагерном предбаннике своего старого и потрепаного одеяния, я и отец были просто шокированы этим. Не было понятно, в связи с чем к нам, узникам, была проявлена такая чуткость. Но уже через несколько дней стало ясно, что операция по переодеванию была предусмотрена лагерной администрацией из-за боязни нашей завшивлености и возможного распространения инфекционных заболеваний. Что же касается одежды, в которую нас наряжали, то это были вещи, отобранные фашистами из чемоданов несчастных европейских евреев, «депортированных», согласно гебельсовской пропаганде, на новое место жительства, а на самом деле сожженных фашистами в печах Тростянецкого крематория, находящегося в нескольких километрах от нашего концентрационного лагеря. Возможно, что в полученном нами одеянии были и личные вещи этих несчастных, снятые или отобранные у них эсэсовцами перед их сожжением. Я и отец очень переживали, узнав об этом. Нам казалось, что эта одежда жжет нашу кожу, но с этим приходилось мириться ибо другое нам не было дано, тем более, в это тяжелое зимнее время.

Хочется заострить ваше внимание на том, что я, получивший среднее образование и пять лет изучавший немецкий язык, с большим трудом объяснялся с немецкими евреями, а отец какими-то известными только ему путями, сразу находил с ними общий язык и они, как мне казалось, всегда понимали друг друга. Отец, зная, что я очень тяжело работаю, при первой же возможности просил кого- нибудь из них помочь ему определить меня на работу в кузницу. Он уверял своего напарника-кузнеца Вагнера, что моя работа в кузнице в качестве колесника поможет лучше и быстрее обслуживать хозяйство Людвига, в ведении которого находились не менее десяти лошадей, три из которых – специально для верховой езды начальства лагеря, а остальные – тягловые, запрягаемые в различного рода телеги, требующие постоянного ремонта и ухода. Думаю, что определение меня вскоре на новую работу в качестве колесника при лагерной кузнице явилось следствием неоднократных переговоров между Вагнером и Людвигом, так как без их помощи замена моего места работы не была бы возможна.

Наша совместная работа в кузнице ладилась, причем отцу частенько приходилось работать за нас двоих, так как в отдельных вопросах колесного дела я был профаном. Но я частенько помогал отцу и его напарнику в кузнечном деле, особенно там, где требовалось приложение значительной силы и ловкости. И отец, и Вагнер были мной довольны. Неожиданно о своем удовлетворении нашей работой заявил и Людвиг, который довольно часто наведывался в кузницу, давая все новые и новые заказы. И все отцу было по плечу, в отличие от Вагнера, у которого квалификация кузнеца была намного ниже папиной. После нескольких месяцев совместной работы мы (отец и я) поняли, что только высокая

квалификация отца и мое появление в кузнице в качестве колесника спасли нас (уже в который раз) от неминуемой гибели. Вот как это произошло.

Как вам уже известно, фашисты привезли нас в Тростянецкий концентрационный лагерь для замены сожженных ими в расположеном рядом крематории части специалистов, работавших до этого в лагере. Такие акции фашисты проводили периодически. До нашего появления в лагере из хозяйства Людвига таким путем были уничтожены кузнец и работник конюшни (оба советские евреи), поэтому на вакантное место кузнеца и был определен мой отец. Очередная такая акция проводилась летом (не помню, в каком месяце), причем заранее готовилась. Из каждого хозяйства отбирались жертвы, которых затем на автомашине за несколько десятков минут доставляли в крематорий, где их и уничтожали. Причем узникам об этом сообщали накануне, как о предстоящем переезде на другое место работы, где их ждут вакантные рабочие места по специальности. И когда накануне о переезде было объявлено Вагнеру и его жене (немецким евреям), мы были ошарашены этим известием, так как мы теряли очень доброго и чуткого человека, сделавшего очень много хорошего для нас. Ведь нам казалось, что первыми кандидатами в крематорий были мы, отец и я, а оказалось…

Утром семья Вагнеров, как и многие обреченные узники, верившие в эту фальшивую информацию, спокойно уселись на скамейку в кузове автомашины и без охраны, на виду у всех узников лагеря, уехали в направлении центрального входа. Мы-то знали, куда. Чуть позже, анализируя случившееся, мы пришли к выводу, что на этот раз нашим спасителем оказался Людвиг. А вот чем он руководствовался, отправляя в крематорий семью Вагнера, а не семью Хаима (так Людвиг называл папу), тяжело сказать. В ходе дальнейшего повествования этот вопрос и другие вопросы, связанные с личностью Людвига, получат свое объяснение.

С первого дня нахождения в лагере я понимал, что больше перевалочных пунктов перед отправлением нас в крематорий не будет. Что,по первому желанию руководства концентрационного лагеря, через несколько десятков минут мы будем уничтожены, да еще таким ужасным путем, как сожжение в крематории.

Стало абсолютно ясно, что только удачный побег сможет сохранить нам жизни. Но побег из концлагеря без знания системы охраны его, схемы размещения помещений на его территории и за его пределами и многого другого обречен на провал.

То, что концлагерь усиленно охраняется, мы увидели сразу, оказавшись внутри него. Густой высокий 4-6 метровой высоты забор с колючей проволокой и часто расположенные сторожевые вышки исключали возможность побега. А в надежности наружной охраны лагеря я смог убедиться лишь по прошествии значительного времени нашего заточения в нем.

Однажды трем узникам, включая меня, было приказано срочно подойти к центральным воротам лагеря. Сразу после нашего появления в указанном месте к нам на телеге подъехали два вооруженных автоматами эсэсовца, которые приказали следовать за ними. Причем предварительно один из них покинул телегу и зашел к нам в тыл. Оказавшись за пределами лагеря и пройдя метров 300-400 вдоль забора, мы остановились. Наши охранники прокричали что-то охранникам на двух сторожевых вышках и получили, по моему убеждению, разрешение приблизиться к забору. В 25-30 метрах от него мы увидели тела двух убитых женщин. Последовал приказ эсэсовцев погрузить на телегу эти два тела молодых женщин, хорошо одетых и убитых, видимо, за то, что приблизились к лагерному ограждению на запрещеное расстояние. После этого мы направились в сторону крематория и где-то в полукилометре от него, в лесистой местности, вырыли могилу и закопали изрешеченные пулями тела этих двух несчастных. Закончив операцию по захоронению, мы все вернулись в лагерь, причем точно тем же путем, включая перекличку между охранниками и предварительное (до открытия лагерных ворот) посещение одним из них контрольного помещения. Мои переживания на протяжении всего пути следования как

туда, так и обратно, были ужасными, так как от этих фашистских гадов в любой момент можно было ожидать пулю в лоб или затылок. Но, к счастью, (как мало надо человеку для этого) все обошлось.

Любой выход или выезд за пределы лагеря узника (или узников) тщательно готовился и контролировался фашистами. Поскольку я умел запрягать лошадей в телеги и знал приемы погрузки бревен в разводящиеся телеги (нарядчики), меня неоднократно отправляли в лес для отбора и среза деревьев, погрузки и доставки их в лагерь. О такой поездке я получал приказание заранее, причем указывалось место и время выезда и возвращения. Из лагеря ранним утром отправлялись в лес 3-4 телеги, на каждой из которых размещался один узник и один охранник с автоматом. Кроме того, каждый такой выезд сопровождался вооруженным фашистом с тремя злыми обученными бульдогами. В этих условиях, даже находясь за пределами лагеря, и в лесу, о побеге бесполезно было мечтать.

Проанализировав с отцом вопрос о побеге, мы пришли к выводу, что фашисты создали очень мощную и надежную охрану нашего концентрационного лагеря и что в этих условиях попытка к побегу равносильна самоубийству. Вместе с тем мы договорились, что в любой момент каждый из нас должен быть готов к побегу и что он может осуществляться только совместно. Отец, в связи с этим, обещал создать какой-то неприкосновенный запас продуктов и всегда его иметь при себе. Мы также договорились использовать малейшую возможность для побега, понимая и не считаясь с тем, что риск быть убитым при этом очень велик.

Между тем шли дни за днями. Эти однообразные дни жизни узника концентрационного лагеря, где каждый день мог стать и его последним днем, сглаживала трудная, изнурительная лагерная работа, которая не оставляла нам время на раздумья об ужасной своей судьбе. Мои воспоминания о нашей семье, об отдельных моментах ее довоенной жизни, об ужасной жизни в оккупированном Слуцке, об ужасной гибели моей матери, братика и сестрички в гетто, о неизвестной судьбе брата и о своей и папиной неопределенности не покидали меня ни на одну минуту. Точно то же происходило и с отцом. Словом, жизнь продолжалась своим чередом, абсолютно независимо от тебя и без знания того, когда фашистские гады окончательно расправятся с тобой. Это страшная и ужасная жизнь!

К концу 1943 года мы, узники, почувствовали, что дела у немцев на фронте идут неважно. В лагерь все чаще начали заезжать автомашины, на которые погружались и вывозились ценности, награбленные и отнятые фашистами у расстрелянных и сожженных в крематории людей, причем погрузка ценностей проводилась только немцами. Награбленое хранилось на территории нашего концлагеря в специально построенных для этого бараках.Усилил свою работу и крематорий, который начал дымить круглосуточно, и едкий запах сжигаемых человеческих тел, доходящий до нашего концентрационного лагеря, вызывал тошноту у многих узников, в том числе и у меня.

В один из дней в кузницу зашел какой-то заезжий немецкий офицер. После усилий с обеих сторон (папы и немца) выяснилось, что ему срочно необходимы клещи для выдергивания гвоздей (наподобие щипцов) и что здесь, в кузнице, ему должны очень быстро их изготовить. Понимая, что на изготовление такого заказа необходимо много времени, и что это может повлечь за собой большие неприятности, отец, порывшись в инструментальных ящиках, очень быстро нашел какие-то старые и ржавые клещи. Офицер одобрил находку и приказал отцу заточить захватывающие концы клещей и очистить их от ржавчины. Когда через небольшой промежуток времени они были приведены в порядок, офицер, посмотрев в мою сторону, приказал мне-взять эти клещи и следовать с ним, причем я впереди, а он позади, корректируя мое движение жестами. Пройдя метров 200-300, мы оказались у бывшего колхозного амбара (а, возможно, конюшни), где офицер приказал мне зайти вовнутрь, а сам, в некотором отдалении от меня, зашел туда тоже.

Когда я оказался внутри амбара, то увидел нечто страшное и ужасное. Буквально напротив меня в штабелях (наподобие крестьянских колодцев) были аккуратно уложены трупы убитых людей. Здесь же стояли десяток узников в окружении эсэсовцев. С моим появлением один из эсэсовцев кинулся ко мне, но увидев в моих руках эти злосчастные клещи, сразу забрал их. После этого мимикой спросил у сопровождавшего меня офицера, что делать со мной и, получив отрицательный его кивок головой, приказал мне быстро убираться наружу, что я бегом и сделал. За эти считанные минуты нахождения внутри амбара память зафиксировала две шеренги эсэсовцев с автоматами, стоявших во фронт друг к другу, образуя узкий корридор, по которому со стороны вторых ворот продвигались в нашу сторону, то есть к уложенным в штабеля трупам, узники, подгоняемые полицейскими, от чего я чуть не потерял сознание. Убегая от этого ужаса, я услышал периодические выстрелы и понял, что амбар был избран фашистами местом казни узников, подвозимых на автомашинах, с подготовкой их трупов для сожжения вместе с амбаром.

Когда я, еле переводя дыхание, добежал до кузницы, единственное слово, которое я сумел выдавить из моих уст, увидя отца, это «бежим». Сам я не представлял, как и куда бежать, но я не хотел умирать такой смертью: пуля в затылок, укладка трупа в штабель с последующим сжиганием, причем с вытаскиванием нашими клещами зубов из драгоценных металлов у убитых или живых узников.

Отец, услышав мое слово «бежим», подхватил свой узелок, и мы вместе вышли из кузницы и двинулись… Как мы выбрались из лагеря, в каком месте оказались за его пределами, не помню. Да и как я могу помнить об этом сейчас, если уже тогда, в то далекое время, я не представлял и не понимал, как мы смогли выбраться из этого ада, и к тому же еще незаметно! Не иначе, как какой-то добродетель, зная незаметные тайные пути выхода из лагеря, каким-то образом помог нам. Возможно, охрана лагеря в это время слишком много внимания уделяла въезжающим и выезжающим автомашинам, в связи с проводимой акцией уничтожения узников. А, возможно, выбраться из лагеря нам помогла моя память, цепко фиксирующая пути возможного бегства во время поездок в лес за стволами деревьев для лесопилки. Как бы то ни было, но из концентрационного лагеря отцу и мне удалось удрать и благополучно выбраться за его пределы.

Удалившись от лагеря на несколько километров, выяснилось, что мы бежали не одни. За нами скрытно увязался еврей из Германии Вальтер Штерн, работавший слесарем, и с которым мы встречались очень редко и мало что знали о нем. Каким путем он узнал о нашем побеге и почему он скрытно присоединился к нам, следуя по нашим стопам, осталось тайной из-за отсутствия времени для выяснения этого. Появление этого молодого человека сразу осложнило наше положение, так как наше общение осуществлялось в основном жестами и мимикой: он не знал ни одного слова по-русски, а мы не понимали его немецкий со специфическим произношением. Но поскольку ничего изменить мы не могли, мы втроем продолжили движение, стараясь как можно дальше уйти от лагеря.

Пройдя приличное расстояние и значительно удалившись от лагеря, мы решили передохнуть и перекусить. Подбирая место для этого, мы не заметили, как и когда к нам почти вплотную подошли два человека в гражданской одежде, вооруженных винтовками. Они резко по-русски спросили нас, кто мы и откуда. Не будучи готовы к такому вопросу и не зная, кто эти двое – полицейские или партизаны – мы замешкались с ответом, а наш немецкий еврей, неожиданно для нас по-немецки почему-то сказал, что мы – заблудившиеся немцы. После такого ответа эти двое обменялись взглядами и, давая понять, что удовлетворены ответом, показали жестом, что мы можем продолжать поиски своих, а сами удалились

По прошествии некоторого времени они снова нас окликнули и сообщили, что они партизаны и что после нашего ответа (что мы немцы) хотели нас сразу расстрелять. Но заметив следы могендовидов на нашей верхней одежде, они решили, что мы не

заблудившиеся немцы, а убежавшие из концлагеря евреи, и они хотят знать, кто же мы фактически. Нам ничего не оставалось делать, как выразить им благодарность за сохранение наших жизней и подтвердить, что мы действительно евреи. После этого наши отношения стали доверительными. Мы ответили на множество интересующих их вопросов, касающихся жизни в лагере. В свою очередь, мы попросили их помочь нам попасть к паризанам, на что последовал категорический отказ. И в объяснение его добавили, что приказано евреев без оружия в партизанские отряды не принимать. На наш недоуменный вопрос: «Так что же нам делать?» последовал ответ: «Это ваша забота». И, увидев наше состояние после такого ответа, стали успокаивать нас тем, что в радиусе 50 километров, где положение контролируют партизаны, мы можем быть спокойны, что нас никто не тронет.

Разве такое мы ожидали, удирая из лагеря, где нас ежеминутно поджидала смерть? Из ужасного положения быть в любой момент убитыми в лагере, мы попали в кошмарное положение, оказавшись на воле: без пищи, без одежды и без крыши над головой. По существу мы опять были оставлены правительством нашего государства на произвол судьбы. На этот раз об этом «позаботился» начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Пономаренко, который в сентябре 1943 года запретил принимать в партизанские отряды бежавших из гетто.

Понимая, что положение наше тяжелое, но не безнадежное, мы, посоветовавшись, решили по-возможности продвигаться на юго-восток, приближаясь к линии фронта. Что мы и делали, максимально используя полученное накануне заверение, что на контролируемой партизанами территории мы можем пробираться, не опасаясь за свои жизни. В первом селе, куда через несколько дней пошел на разведку отец, как человек умеющий легко и непринужденно знакомиться и разговаривать с людьми, выяснилось лойяльное отношение к нам, бывшим узникам концлагеря. Его там накормили и дали для нас какие-то продукты, что вселило в наши души некоторую живительную струю. Когда жители селений, которые мы посещали, узнавали, что отец по специальности кузнец и колесник, его заваливали работой, выполнять которую в дальнейшем приходилось всем нам. В награду за это нас подкармливали, разрешали находиться и ночевать в их стогах сена или сараях и старались как-то заменить нашу потрепаную и грязную одежду.

Через некоторое время мы вышли к великой реке - Березине. Сюда же начали подтягиваться партизанские отряды. Наши пути часто пересекались, но мы продолжали жить своей бродячьей жизнью, а они готовились к встрече с советскими войсками, которые, громя немцев, продвигались на запад. Встречи с Красной Армией мы ожидали с нетерпением и были уверены, что она скоро состоится. Тем более, что при ветреной погоде до нас стали докатываться звуки артиллерийских канонад, и в небе часто появляться советские самолеты, которые невдалеке наносили бомбовые удары по военным объектам фашистов.

В один из дней, когда мы находились в каком-то селении, неожиданно в него вошло партизанское соединение. При разборке, кто мы такие и каким образом оказались здесь, стало ясно, что нам не верят, причем главным образом потому, что среди нас был немец Вальтер. Неоднократные мои и отца пояснения, что они ошибаются, что Вальтер не немец, а еврей из Германии, депортированный немцами в числе многих европейских евреев в Тростянец для уничтожения, не смогли убедить партизанское начальство. На нашу просьбу пригласить переводчика, чтобы из уст самого Вальтера, совершенно не знавшего русский язык, получить необходимую им информацию, последовал ответ, что у них нет переводчика и что они не могут из-за какого-то немца тратить столь много времени. После такого ответа нам стало ясно, что участь Вальтера решена, и мы бессильны ему помочь.

Окончательная проверка нас на лойяльность по отношению к нашей стране, то есть к Советскому Союзу, закончилась необычным, неэтичным и нецивилизованным путем. Нас всех троих попросили побеседовать с немецким солдатом, взятым партизанами в плен.

Мы, как смогли, рассказали ему о зверствах немцев по отношению к евреям. Он внимательно слушал, охал и возмущался услышанным, после чего заявил, что он солдат, а не палач, и что все это – дело рук фашистов.

Вальтер тоже побеседовал с ним, но мы не понимали, о чем. По окончании беседы два паризана, вооруженные автоматами, предложили нам всем четверым следовать с ними. Выйдя на окраину села и поднявшись на небольшое взгорье, партизаны предложили пленному немцу раздеться, а мне дали автомат и предложили расстрелять его. И когда я несколько замешкался, не понимая, почему я должен расстрелять человека, с которым пять минут назад беседовал и который заявил, что он не палач (а почему я должен стать таковым?), Вальтер выхватил у меня автомат и длинной очередью убил этого немца. Даже не закопав труп, мы все пятеро ушли на прежнее место. Через небольшой промежуток времени один из этих двух вооруженых партизан увел Вальтера, после чего мы его больше никогда не видели. Мне с отцом было заявлено, что мы можем определиться в этом селе, названия которого я, к сожалению, не помню, и дожидаться скорого прихода частей Красной Армии.

Ждать прихода наших пришлось относительно недолго, хотя переживаний было более, чем достаточно. Над селом почти каждый день пролетали на запад тяжело груженые советские бомбардировщики. Но иногда появлялись и немецкие самолеты, доставлявшие смертельный груз на восток, против советских войск. Звуки доносившихся артиллерийских канонад изо дня в день становились сильнее, и наши войска, освобождая от проклятых фашистов оккупированные ими территории, приближались к нашему селу. Партизанское объединение покинуло село и, по словам самих партизан, двинулось на соединение с регулярными частями Красной Армии

Помня наше бегство в поле во время неожиданного захвата фашистами нашего родного Слуцка и охоту немецких стервятников за каждым увиденным человеком, мы тоже покинули село и перешли в ближайший лесок. Через несколько дней проживания в лесу мы с удивлением и радостью заметили, что артиллерийская канонада нас обошла и звуки ее слышны с противоположной стороны. Ясно стало, что бои прошли где-то недалеко от нас, но нашей местности не коснулись. А вскоре появились те, кого мы с таким нетерпением ожидали. Через село прошел большой конный армейский обоз с различного рода армейским грузом. Мы и жители села очень тепло встретили наших освободителей.

Появление в скором времени группы военных, подробно интересующихся жизнью каждого селянина, в том числе и нас, чужаков в селе, во время оккупации, принесли нам новые переживания и даже страх за будущее. А все началось с одного вопроса: как нам, двум евреям, удалось остаться в живых после того, как немцы расправились со всеми евреями, уничтожив их? Ни одно наше объяснение не было принято за правду. Все подводилось военными к тому, что мы являлись немецкими пособниками, поэтому немцы даровали нам жизнь. После целого дня допросов нас посадили в машину и отвезли в какой-то более крупный населенный пункт (и это название не помню) для каких-то уточнений. Здесь нас изолировали друг от друга и допросили на повышенных тонах и с большим пристрастием (но без применения физического насилия), стараясь добиться от нас каких-то «правдивых» показаний. Убедившись в бесплодности своей затеи, нас через несколько дней доставили в кабинет какого-то начальника (майора), который официально заявил, что мы свободны, и, в подтверждение этого, выдал каждому удостоверение личности.При этом мне было приказано незамедлительно явиться в комендатуру для определения на воинскую службу. Отцу же он посоветовал потихоньку добираться домой, в свой Слуцк, который скоро будет освобожден от фашистов.

Расставались мы очень тяжело. Вспомнили о нашем общем горе и о каждом члене нашей семьи, об их тяжелой участи и трагически оборвавшихся жизнях. Мы понимали, что, возможно (и скорее всего это так), мы видимся в последний раз, двое оставшихся в

живых из большой семьи Хаима Тройчанского. Ведь я уходил на войну, где собирался беспощадно мстить за погубленные жизни самых родных и близких мне людей. Отцу же предстояла далекая по тем временам и неизвестная, со многими препятствиями, дорога в свой родной город Слуцк, еще не освобожденный от фашистской нечисти. Словом, слез было пролито очень много, и наши души разрывались на части от предстоящей разлуки.

Первым ушел я. Я обнял отца, мы крепко расцеловались, у отца на глазах появились слезы и … в путь. Отцу предстояло еще продумать маршрут движения, поэтому он отправлялся несколько позже. В комендатуре меня определили в группу призывников, находившихся на оккупированой немцами территории. В своей одежде и без оружия они, под командованием сержанта, учились маршировать строем, делать перебежки, отдавать честь, ползать по-пластунски и т.д. Два дня я вместе со всеми обучался солдатскому мастерству, а на третий день, когда привезли обмундирование и оружие, поступила команда получить военную форму и винтовку. В ходе операции по экипировке выяснилось, что кому-то не досталось обмундирования или оружия, кому-то ни того, ни другого. Мне же досталось все сполна.

Дальше события развивались с молниеносной быстротой. Нас доставили в какую-то войсковую часть, которая буквально через несколько часов вступила в бой с фашистами. Большая часть наших новобранцев, не прошедших боевой подготовки и плохо владевших стрелковым оружием, сложила свои головы в этом первом и последнем для них бою. А меня и на этот раз судьба миловала. После боя нас, оставшихся в живых и невредимых, определили в 755-ый стрелковый полк 217-ой стрелковой дивизии, и в составе ее трех полков я провоевал до окончания войны.

Фронтовые будни, которые для меня длились почти полтора года, были очень тяжелыми. Служил я в пехоте, где каждая атака (а сколько их было!) могла закончиться гибелью. Более того, здесь я обеспечивал бесперебойную телефонную проволочную связь между структурными подразделениями внутри батальона. Во время боя, когда вокруг рвутся снаряды, мины, бомбы и слышен свист пуль, а также во время артиллерийских обстрелов и налетов, в результате чего разрываются телефонные провода, ты обязан любой ценой (даже ценой жизни) и при любой погоде восстановить нарушенную телефонную связь, предварительно определив место и степень обрыва. И не случайно за время войны я был трижды ранен, в том числе один раз тяжело, и легко контужен. В связи с этим я более полугода находился на излечении в полевых военных госпиталях.

Воевал я неплохо, зная, с кем воюю, за что воюю и что я должен отомстить проклятым врагам за уничтожение нашей семьи. Очень хотелось, чтобы с фашистами, уничтожившими миллионы евреев, было как можно быстрее покончено и чтобы антисемитизму был нанесен сокрушительный удар. К сожалению, уже через несколько месяцев моего участия в этом великом сражении я понял, что антисемитизм пустил глубокие корни и что искоренить его практически невозможно.

Однажды, когда наша часть на несколько дней была отведена с линии фронта на отдых, ко мне подсел старший сержант Лешка Карташов (это имя и фамилию я хорошо запомнил) и неожиданно спросил: «Ты еврей?», на что я, естественно, ответил: «Да, чистокровный». Последовал вопрос: «Как тебя зовут по-еврейски?». Я ответил: «Лазарь». А затем, для большей убедительности, добавил: «Хаимович». Подумав недолго, он, обращаясь ко мне, воскликнул: «Нет, ты не еврей, ты не Лазарь!». И, передохнув, добавил: «Ты – Лешка! У тебя душа русская!» Это была хвалебная ода русского воина в мой адрес еврея-воина. Но ведь такое восклицание насквозь было пропитано духом антисемитизма! Мой же реальный вклад в разгром фашистской Германии был оценен советским правительством, которое за мужество и храбрость наградило меня двумя орденами Отечественной войны первой и второй степени и медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В сражениях с фашистами на разных фронтах войны я прошел не одну тысячу километров. Тяжелые это были километры и бои с большими потерями живой силы и техники. Много человеческого горя я увидел за это время. Видел я, как призывников-новобранцев с оккупированных немцами территорий без какой-либо подготовки направляли в бой, а опытные солдаты называли их пушечным мясом. По существу, военачальники, посылавшие молодых ребят на верную смерть, являлись такими же преступниками, как фашисты, уничтожавшие еврейское население.

Многие тысячи воинов без надобности сложили свои головы лишь только потому, что Верховное Командование Красной Армии требовало освобождения или занятия какого-либо населенного пункта к празднику или по другому поводу, не считаясь с потерями. В середине апреля 1945 года, когда наши войска штурмом взяли город Кенигсберг и вышли к заливу Фриш Гафен, командование фронтом приказало нескольким дивизиям, в том числе и нашей 84-ой Гвардейской, срочно переправиться через эту водную преграду, ширина которой составляла более двух километров, и уничтожить немецкую группировку, закрепившуюся на косе. Немецкое командование только и ждало такой подарок и, дав возможность нашим войскам на своих примитивных плавсредствах приблизиться к берегу, накрыло их шквальным огнем и почти всех утопило. К счастью, в последнюю минуту для нашей дивизии приказ был отменен.

Принимая участие в операции по освобождению Польши от нацистов, я часто встречал, а иногда и беседовал с освобожденными узниками немецких концлагерей. Страшно было смотреть на эти ходячие скелеты. И каждый раз при этом я вспоминал пережитое при немецкой оккупации и гибель своих дорогих родных. И каждый раз я посылал проклятия в адрес фашистов и, в первую очередь, их фюреру. Невольно возникал и образ брата Бориса, которого я не имел права считать погибшим, ничего не зная о нем.

Расставаясь с отцом, мы договорились, что как только Слуцк будет освобожден от фашистов, я напишу ему два одинаковых письма: одно на наш домашний адрес, а второе – на почту, до востребования, на случай, если дом наш разрушен. Как только мне стал известен адрес моей войсковой части, я написал таких два письма в надежде, что, пока они в условиях военного времени дойдут до адресата, Слуцк уже будет освобожден. Узнав, что Слуцк уже освободили, я, не дождавшись ответа, вторично отправил два аналогичных письма в те же адреса. Поскольку в течение нескольких месяцев ответа не последовало, я начал изрядно волноваться. Ведь отцу, чтобы добраться до своих родных мест, необходимо было потратить много труда и энергии, преодолевая различного рода неожиданности и всевозможные преграды. Единственное, что успокаивало, это частая смена почтового адреса в результате перевода меня из одного полка в другой. Это могло быть одной из причин неполучения ответа.

И вот совершенно неожиданно, месяца через три после отправки отцу второго письма, находясь в медсанбате на излечении после первого ранения, я получил долгожданное письмо из Слуцка, с нетерпением открыл его и убедился, что оно от отца. Письмо было очень подробное. В нем отец сообщал, что, к счастью, дом наш остался невредимым, сгорел лишь сарай и наша общая семейная радость – погреб. Повезло ему и в том, что появившись в Слуцке сразу после его освобождения от фашистов, он застал дом незаселенным, с пустыми комнатами. Как ему стало известно, после того как фашисты выселили нашу семью в гетто, наш дом занял Малибошка, тот самый гад из гадов, о котором я уже упоминал, и который, боясь возмездия за содеянное им в период оккупации, заранее покинул дом и убежал с немцами. Оказавшись в своем пустом доме, писал отец, он со всей силой почувствовал свое одиночество и невозможность смириться с тем, что из нашей семьи остались в живых только мы с ним. Но я далеко от него, воюю с фашистами, и поэтому отец просил меня беречь себя, хоть это и нелегко. Отец также просил сразу сообщить ему, если мне хоть что-нибудь станет известно о нашем Борисе, и заверил, что он будет сообщать мне все свои новости в последующих письмах. В тот же день я ответил

ему, успокоив, что я работаю телефонистом и мне здесь ничто не угрожает. Я попросил отца почаще писать мне письма, держать в курсе событий и пообещал делать то же.

Между тем война продолжалась: наши наступали, а немцы отступали. По мере нашего приближения к фашистскому логову сопротивление немцев усиливалось и, соответственно, наши потери возрастали. Мы, телефонисты-катушечники, очень хорошо это почувствовали на своей шкуре. Немцы, с целью получения разведывательных данных, зачастую подключались к нашим телефонным линиям и, по окончании данной операции, разрезали провода и откидывали концы на значительные расстояния друг от друга. Найти такое повреждение и восстановить связь, да еще в условиях интенсивного обстрела и бомбардировок, да еще ночью, было очень тяжело и очень опасно. А если добавить, что часто в этих местах немцы устраивали засады с тем, чтобы захватить языка, нам, телефонистам, никто из сослуживцев не завидовал. Не случайно на операцию по устранению обрыва отправляли двоих с тем, чтобы один занимался восстановлением связи, а второй – охраной. Сколько раз мне приходилось вступать в бой именно в таких условиях и терять фронтовых друзей! И каждый раз меня судьба миловала, если не считать полученные ранения.

Где-то к концу лета 1944 года я неожиданно получил письмо с незнакомым почерком на конверте, отправленное в мой адрес из какой-то войсковой части. Раскрыв треугольник (это была форма солдатского письма), я был удивлен и обрадован, увидев, что это письмо от маминого брата, моего дяди Володи (Велвула), из воинской части, где он служил. Он сообщал, что воюет с фашистами в войсках маршала Жукова, что он наладил переписку с Хаимом (моим отцом), что знает о трагедии нашей (и своей тоже) семьи и что выражает мне свое соболезнование, чем, естественно, растревожил мою душу. Спустя несколько дней я ответил на письмо, но больше писем от него не получал. Не зная причины этого молчания, я был абсолютно уверен, что с дядей Володей все в порядке, так как из текста письма я понял, что служит он в каком-то штабе высокого ранга армейской группировки. К счастью, я не ошибся. Но об этом потом.

Второе письмо от отца я получил в необычных условиях, прямо перед форсированием реки Нарев, в районе г. Маков, в Польше. Я даже не успел вскрыть письмо, врученное мне почтальоном, как началась переправа. Нам удалось отбить у немцев небольшой участок земли на противоположном вражеском берегу реки. Находясь в рядах наступающих и непосредственно участвуя в этом сражении, я о письме даже забыл, тем более, что прочитать его все равно нельзя было бы, а получив в этом бою тяжелое ранение – тем более. Это письмо я сумел прочитать и осознать лишь на третий или четвертый день, находясь в полевом госпитале на излечении.

Отец писал, что у него нет интереса к жизни, что душа ни к чему не лежит. Единственно чем он глушит тоску – это работой. Но здесь он допустил ошибку, приняв предложение вернуться на прежнюю, довоенную должность заведующего производством артели. В отличие от довоенного периода, у него нет хороших специалистов, так как большинство из них либо было уничтожено немцами во время оккупации, либо эвакуировалось. Поэтому к его руководящей работе прибавилась работа учителя и исполнителя. В письме отец также сообщил, что он познакомился с чудесной женщиной, которая помогает ему по домашнему хозяйству (варит, стирает, убирает и т.п.) и что неплохо было бы сойтись с ней и создать новую семью. По тексту письма чувствовалось, что ему очень хотелось бы знать мое мнение по данному вопросу.

Через несколько дней я отправил ответ отцу на его письмо, в котором просил его не хандрить. Если союз с этой женщиной поможет ему в дальнейшей жизни, то пускай создает новую семью, что вполне нормально, и пусть это будет счастливая семья. О себе я написал, что получил небольшое ранение в виде царапины на ноге, и что на днях меня выпишут в свою часть для продолжения службы.

Наступление наших войск продолжалось ежедневно, и ежедневно мы приближались к фашистскому логову. После госпиталя, где-то в конце января 1945 года, мне выдали новенькое обмундирование: английскую шинель, русскую телогрейку и американские ботинки. До части добирался несколько дней, и на место службы прибыл в канун готовящегося нового крупного наступления наших войск. Бой начался на рассвете и длился весь день, до позднего вечера. Кругом рвались мины и снаряды, над головой свистели пули, и неоднократно наши позиции бомбили и обстреливали вражеские самолеты. Мы несли большие потери. Рядом со мной неожиданно разорвалась мина или снаряд, меня оглушило и присыпало землей. Когда я пришел в себя, поднялся и огляделся вокруг, мне стало страшно от увиденного. Рядом со мной, в большой воронке, образовавшейся после взрыва, были разбросаны части и органы человеческих тел. А осмотрев себя и увидев, что моя шинель превратилась в решето, подумал, что я тяжело ранен, так как точно знал, что в первые минуты огнестрельные ранения не ощущаются. Сбросив изрешеченную шинель и пробитую осколками во многих местах телогрейку, я очень удивился,не увидев на теле ни капли крови. Долго я ощупывал себя, не понимая, как такое могло произойти, и так и не понял. Единственная мысль, которая появилась у меня в то время, это что кто-то, уже в который раз отводит от меня беду. А кто это – известно одному только Б-гу.

По всему чувствовалось, что война подходит к победоносному концу и что день Великой Победы не за горами. Но сколько еще человеческих жизней эта ужасная война заберет до ее завершения! Наша 84-ая гвардейская стрелковая дивизия, в которой я тогда служил, принимала участие в разгроме прусской группировки немецких войск и 8 апреля 1945 года непосредственно участвовала в штурме и взятии столицы Пруссии – Кенигсберга. Здесь я получил третье, и последнее в этой войне, ранение правой руки, а кусочек металла, застрявший тогда в плече, вот уже 55 лет ношу в своем теле.

Прусская группировка германских войск была очень сильна. Мощные доты и дзоты, различного рода береговые укрепления и другие фортификационные сооружения создавали большие трудности продвижению наших войск. Причем немцам, как говорится, терять было нечего, так как война шла на их территории и поражение ничего хорошего им не сулило. Ведь не случайно многотысячная немецкая группировка на косе, которую наше командование решило уничтожить с ходу, форсировав залив Фриш Гафен и потеряв при этом не одну тысячу военнослужащих, сдалась в плен нашим войскам строем только 12 мая 1945 года, и только после непрерывных бомбардировок и обстрелов их на протяжении 4 дней после подписания акта о капитуляции фашистской Германии.

День Победы! Как долго мы его ждали и как неожиданно он наступил! В ночь на 9 мая 1945 года, когда мы дислоцировались в каком-то лесочке вблизи прусского города Гумбинен (ныне Гусев), это радостное известие дошло и до нас, фронтовиков, постоянно находившихся на грани жизни и смерти и в любой момент рискующих быть убитыми или покалеченными. Разве можно передать словами восторг людей, почти четыре года живших и воевавших в тяжелейших условиях военного времени? Фейерверк огня боевыми зарядами изо всех видов оружия, имевшихся на вооружении части, длился непрерывно на протяжении всей ночи. А утром стало ясно, что подписанный акт капитуляции некоторые войсковые части Германии и отдельные ее воины не посчитали обязательным для исполнения и продолжали свои боевые действия. Поэтому для нас, какой-то части советских воинов, война продолжалась еще несколько дней и, естественно, с убитыми и ранеными.

Самая ужасная война закончилась. Фашистская Германия была повержена. И радость победы, и слезы горести одновременно одолевали почти каждого жителя Советского Союза. Ведь в этой войне (как стало известно значительно позже) погибло 25 миллионов советских граждан и 6 миллионов евреев. Радуясь вместе со всеми нашей Победе, я пролил и немало слез, вспоминая моих родных Мотелэ, Хавелэ, маму Хасю,

зверски убитых фашистами, и брата Береде, о судьбе которого ничего не было известно. Оплакивал я и свою поруганную молодость и судьбу папы, неожиданно ставшего вдовцом, потерявшего двух детей и не знавшего ничего о судьбе ещё одного сына.